

Алексей Ручий
Наркопьянь

роман в новеллах

Алексей Викторович Ручий

Наркопьянь. Роман в новеллах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9987794

ISBN 9785447409821

Аннотация

Из названия книги нетрудно догадаться, что легло в её основу. Однако ни «бухло», ни «вещества» не являются главной темой повествования. За личинами наркопьяней зачастую скрываются искренние и лиричные люди, в силу ряда причин вынужденные маяться в пустоте современности, лишенной должного смысла, и бороться с давлением окружающей среды – посредством все тех же деструктивных веществ. Поиски выхода из замкнутого круга уподобляются поискам Грааля: сколь благородна цель, столь же невелики шансы. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Начало	6
Божественная комедия	12
Мысли	21
Грязная история	24
Скорость	36
Долгий день, полный безумия, дождя и солнца	59
Близкие контакты неизвестной степени	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Наркопьянь

Роман в новеллах

Алексей Викторович Ручий

*Двадцатилетию новой формации и поколению,
променявшему джойстик от «Сегы» на кое-что
поинтересней...*

*Да простят меня невольные участники этой
истории за то, что местами художественный
вымысел берет верх над истинным ходом
происходивших событий...*

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет.

© Алексей Викторович Ручий, 2024

ISBN 978-5-4474-0982-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

*«Дорога излишеств ведет к дворцу мудрости»
Уильям Блейк*

Вначале скажу: НЕ ВЕРЬТЕ ВСЕМУ ТОМУ, ЧТО ВАМ ГОВОРЯТ! ВЕРЬТЕ СЕБЕ.

Хотя и себе не сильно верьте. Ведь самые великие обманщики живут по соседству с нами, где-то внутри нас.

Наркотики, безусловно, вредны, а большинством своим и смертельно опасны, НО... человеку наносят вред не сами наркотики, а его безответственное отношение к ним, и

все эти разговоры о наркотиках ведутся политиканами различного уровня лишь ради того, чтобы скрыть правду об алкоголе. Убрать на второй план, так сказать.

Особый язык – ЯЗЫК ГОСУДАРСТВА. Потому что любое, ЛЮБОЕ государство всегда имеет существенную долю в бюджете от оборота спиртного. Алкоголь – такой же наркотик, как и героин. ПРИВЕТ! – говорит он тебе. (Уходит с неохотой)

Но если взглянуть на суть вещей трезво, то все наши привычки и привязанности – чем они лучше любых других средств, способствующих уходу от столь усердно не принимаемой нами правды. Наша связь с наркотиками и алкоголем как игра, в которой тебе предлагают поиграть на собствен-

ную душу. Рискнет отнюдь не каждый. Поговорим о тех, кто все же рискнул.

ПРИВЕТ! – говорит он тебе.

ВЕРЬТЕ СЕБЕ.

Итак, начнем. Но я вас сразу предупреждаю: это будет падение с головокружительной высоты.

ЕСЛИ ВЫ ПРЕДЛАГАЕТЕ ДРУГУ СВОЙ ЛЮБИМЫЙ НАРКОТИК, НИКТО НЕ ДАСТ ВАМ ГАРАНТИИ, ЧТО ОН НЕ ПОДСЯДЕТ И НЕ ПРИДЕТ ОДНАЖДЫ КЛЯНЧИТЬ У ВАС ДЕНЕГ НА ДОЗУ, А РАНО ИЛИ ПОЗДНО НЕ ОБВОРУЕТ ВАС.

ЗАПОМНИТЕ ЭТО.

Поехали.

Просыпаясь во мраке и пытаюсь собрать картину мира воедино, я вспоминаю, с чего все началось. Когда я сделал первый шаг по дороге, ведущей в бездну. Я задаю вопросы, но не слышу на них ответов...

Мы пытаемся разобраться в себе, день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Мы становимся злее, эксцентрич-

ней, но, в конечном счете, глупее. БЛУЖДАЮЩИЕ НО-
ЧАМИ В ДОЛИНЕ БОЛОТ. Заложники собственных иллю-
зий...

ЧЕРТОВСКИ БОЛИТ ГОЛОВА.

Тело словно чужое, каждая клетка его трепещет от боли. Во рту пересохло. В животе творится что-то невообразимое, такое ощущение, что там свило гнездо семейство гадюк. Да так оно и есть.

Я ПЫТАЮСЬ ВСПОМНИТЬ.

Самое страшное – просыпаясь с бодуна, вспоминать, а не натворил ли ты накануне чего такого, за что к тебе с минуты на минуту могут вломиться представители закона и закрыть тебя на срок, размеры которого превышает разве что только твоя печень.

Я пытался вспомнить, что происходило все эти дни. Память выдавала фрагменты минувшего вразнобой, словно кусочки мозаики: не очень-то лицеприятные факты вперемешку с каким-то совсем уж откровенным бредом. Или все предыдущие дни и были сущим бредом?

Для начала я закатил концерт в отделении милиции, куда попал после того, как пытался сорвать государственный флаг со здания районной администрации. Флаг висел на полтораметровом шпиле на крыше двухэтажного здания. Как я собирался туда попасть?

Ментам я начал объяснять что-то про Зигмунда Фрейда и их (ментов) комплексы. Про их форму и стремление к власти. Я кричал и брызгал слюной. Наверное, я выглядел полным безумцем, если меня даже не стали бить (я слышал, как в соседней камере кому-то методично проходились по почкам, при этом неизвестный мне кто-то кричал: «Братцы, не надо, братцы, не надо... ой, братцы, за что?..»)

Отсидев ночь в КПЗ, я расписался в протоколе, получил на руки квитанцию на оплату назначенного мне штрафа и был отпущен восвояси.

Что бы сделал на моем месте любой разумный человек? Ясное дело – пошел бы домой отсыпаться. Но разум – совсем не по моей части.

Купив в близлежащем магазине шесть (или семь?) бутылок пива, я вернулся к зданию милиции и, усевшись на газоне перед ним, принялся их опустошать. Несколько раз мимо меня проходили задержавшие меня накануне менты – и кто бы из них хоть что-нибудь мне сказал! Куда там... Теперь я понимаю, почему Фемиду – богиню правосудия – изображают с повязкой на глазах.

Приговорив пиво, я, наконец, поехал домой, по пути

встретил пару знакомых, которых прихватил с собой.

Мы что-то пили. Этикетки, как и тара, к которой они были прилеплены, сменяли друг друга с неопишуемой скоростью. Реальность плыла в глазах, заставляя поверить высказываниям некоторых философов о том, что все окружающее нас – иллюзия.

Потом следуют сплошные провалы. Я их называю Черными Дырами. Последнее, что я еще смутно помню, – это то, как ухватившись руками за ограду балкона, я свесился ногами вниз и повис над бездной. Стоило отпустить пальцы – и я отправился бы в полет. В последний – дело происходило на четырнадцатом этаже.

Мне что-то кричали, но я только смеялся в ответ. Я играл со смертью. Я вовсе не собирался умирать. По крайней мере, не раньше того, как окончательно добыю свою печень. Я смеялся, смеялся, смеялся... Наверное, я – самый безумный из всех безумцев.

Далее – одни провалы, которые превратились в одну огромную Черную Дыру. Видимо, я поддался на уговоры и вернулся обратно на балкон. И, конечно же, мы пили за мое воскрешение из мертвых... Все – больше ни черта не помню.

АЛКАШУ, КАК И НАРКОМАНУ, ПЛЕВАТЬ НА ТО, РАДИ ЧЕГО ОН ЭТО ДЕЛАЕТ.

УДОВОЛЬСТВИЕ?

Весьма сомнительно. Попробуйте-ка попить неделю-другую – и что получите на выходе – **НЕНАВИСТЬ, СТРАХ** и **ДЕПРЕССИЮ**.

ДАЙТЕ-КА МНЕ ЧАШУ ГРААЛЯ – И Я ОСУШУ ЕЕ!

ДО ДНА.

А вы что думали?

АЛКОГОЛЬ ПОЧТИ ВСЕГДА СНИЖАЕТ ВАШУ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕЙСТВОВАТЬ ЗАКОННО!

Божественная комедия

«Crede firmiter et pecca fortiter»¹

Латинская поговорка

Философ шел по дороге и осмыслял свое существование. Существование напоминало Хиросиму или Нагасаки после американской бомбардировки.

Похмелье. Воистину экзистенциальное состояние. Грани восприятия обострены, а реальность напоминает гнилой кабачок. К тому же болит голова и тем самым существенно осложняет процесс мышления.

Где-то на кромке Я-бытия мелькнула робкая, размытая полупрозрачная мысль: нужно опохмелиться.

От искры да загорится пламя. Философ ухватился за эту мысль как за единственно возможное решение в сложившейся ситуации.

И тут же словно повинувшись его мозговому импульсу, в пространстве прямо перед ним возник круглосуточный магазин. Его витрины, памятуя о только что закончившихся новогодних праздниках, сверкали яркими гирляндами, мохнатились еловыми ветками и глянцево блестели снежинками, вырезанными из фольги. Философ направил свое материальное тело в него, тогда как дух его витал где-то далеко,

¹ Верь крепче и грешь сильнее

среди тусклых звезд и осколков разорвавшихся галактик.

Философ взял два пива и пачку сигарет. Продавщица с кислой миной на лице протянула ему покупки, одновременно сметая ладонью с прилавка мятые купюры впере-мешку с копеечными кругляками, ее лицо было опухшим, а взгляд померкшим. Праздники прошлись по всем, – отметил про себя Философ и решил поскорее выметаться из этого негостеприимного места.

На улице он сразу же открыл пиво и сделал несколько судорожных глотков. Пиво было теплым и, судя по всему, несвежим, но это не помешало Философу ощутить, как оно потихоньку вдыхает жизнь в его организм. Он достал из пачки сигарету и закурил.

Его дух, поскитавшись по холодным дебрям Космоса, возвращался к нему. И хотя великий грек Платон считал тело могилой для души, именно в теле душа Философа чувствовала себя сейчас наиболее хорошо. Видимо, Платон имел в виду неопохмеленное тело – решил Философ.

Он медленно двинулся в ближайший двор, неся в каждой руке по бутылке пива. Во рту дымилась сигарета. Существование уже не казалось ему таким бесперспективным как некоторое время назад. Воссоединившись, душа и тело обрели надежду.

Посреди двора, в котором очутился Философ, был замерзший пруд, окруженный занесенными снегом скамейками. На одну из них, предварительно смахнув рукой шапку

снега, и уселся Философ. Рядом с собой, словно волшебный талисман, поставил бутылки с пивом. Каждому человеку нужен специальный компас, который поможет ему не заблудиться на дорогах Мироздания, – так пусть сегодня им будут они, – подумал Философ.

Ночь была морозная и звездная. Философ посмотрел на небо. Если бог есть, – подумал он, – то почему мне, его отдельно взятому творению, так плохо? Ведь я создан по образу и подобию его... Или ему тоже хуево?

Первая бутылка улетела в снег, и Философ потянулся ко второй. Он порядком замерз, но пока что исходил из того, что здесь все же лучше, чем дома, среди постылых стен и гнетущей пустоты. Он закурил.

Откуда-то из темноты материализовался пьяный субъект, еле стоящий на ногах. Его изрядно качало, и он периодически оступался и проваливался в сугробы. Поравнявшись с Философом, субъект остановился, с трудом повернулся к нему лицом и вперился мутным взглядом.

Философ разглядел его. Это был старый опустившийся алкаш. Алкоголь разъел его лицо, превратив в розовую кашу из потухших глаз, поломанного в нескольких местах носа и седой щетины, в которой потерялись почерневшие потрескавшиеся губы.

– За-закурить не найдется? – наконец изрек субъект.

Философ достал сигарету и, брезгливо морщась, протянул ее алкашу. Интересно, его бог тоже создал по своему образу

и подобию?

Алкаш взял сигарету трясущимися руками и тут же попросил огня. Философ чиркнул колесиком зажигалки и нехотя протянул ленточку пламени в сторону навязчивого просителя. Тот сунул сигарету в провал рта и потянулся к рукам Философа.

Некоторое время субъект возился над пламенем, но, наконец, прикурил.

– Что, ищешь точку опоры? – спросил Философ.

Алкаш зашелся в приступе судорожного кашля, потом с трудом выдавил:

– Ага, типа того... а ты чего ищешь?

– Точку сборки, – ответил Философ тоном, означающим, что разговор на этом закончен.

– А-а-а... – протянул алкаш, словно только что сделал для себя какое-то открытие, – ну я пошел...

– Иди, – благословил его Философ.

Алкаш развернулся и, шатаясь и время от времени проваливаясь в сугробы, пошел в темноту. Философ проводил его взглядом и сделал большой глоток пива, затем швырнул пустую бутылку вслед первой. Пива больше не было. Что поделаешь, – материя конечна, – сделал вывод Философ.

Он встал и пошел к дому. Где-то слышались крики и хлопки петард – отголоски недавнего праздника. Пьют, – подумал Философ, – веселятся... а все вокруг катится в тартарары... Или не катится?

По освещенному проспекту мчались машины, иногда проходили люди, большинством своим подвыпившие. Бесплезное движение материи, – подумал Философ, – бесплезное, глупое и никчемное.

Он уже подходил к дому, когда увидел ИХ.

Возле дома Философа была небольшая церковь, и сейчас возле нее толпилось множество народа, у всех в руках были зажженные свечи. Не вызывало сомнения, что там творится какой-то обряд.

Перспектива вновь оказаться дома один на один с собой не очень-то радовала Философа, и он внезапно для себя решил пойти полюбопытствовать, что же такое происходит в церкви.

Приблизившись к храму, он смог разглядеть толпу: это были в основном древние бабушки, набожные в силу своего воспитания и слабого образования, но Философ заметил и несколько молодых мужчин и женщин с детьми.

Он влился в толпу. Нужно было расставить все точки над *i*. Поэтому он обратился к ближайшей бабушке, которая показалась ему доброй на вид:

– Извините, а вы не подскажете, что здесь происходит?

Бабушка посмотрела на него как на марсианина.

– Ты чего, сынок? – спросила она. – Рождество ведь...

Рождество? Философ задумался. Он и раньше считал время величиной абстрактной, а в последние дни и вовсе потерял какие-либо привязки к нему. Какое же тогда сегодня

число? Шестое? Или седьмое?

Мозг отказывался давать правильный ответ, а впадать в интеллектуальный дискусс со своим внутренним Я по этому поводу Философ не собирался, поэтому просто сказал вслух, словно фиксируя для себя:

– А! Точно – Рождество!

Бабушка отодвинулась от него как от прокаженного.

Внутри церкви творилось какое-то действие, и Философ решил во что бы то ни стало взглянуть на него. Поэтому, недолго думая, он принялся энергично пробираться к входу, расталкивая собравшихся. Те неодобрительно смотрели на него, но молчали.

Наконец он преодолел живой барьер из человеческих тел и оказался в церкви, правда, у самых дверей – дальше протиснуться не представлялось возможным.

Внутри было душно, воняло жженым фимиамом и человеческим потом. У алтаря что-то бубнил священник. Почему опиум для народа? – хотел было спросить Философ, но рассудительно промолчал.

Над алтарем возвышалось здоровое распятие с Христом. Была люлька и фигуры волхвов. Похоже, здесь разыгрывалось представление о рождении Христа.

Тусклый свет церковных светильников раздражал Философа, а нудная речь священника вкупе со скучным действием вызывала зевоту, и он уже было засобирался назад – туда, откуда пришел, то есть на улицу, но тут в толпе почувство-

валось заметное оживление.

Философ увидел какую-то чашу, которую передавали в толпе из рук в руки. Каждый пригублял из нее и отдавал соседу, а тот – своему соседу, и так далее, по цепочке.

Вот это уже интересно, – подумал Философ, – а вдруг в ней церковное вино? Еще немного выпить не помешало бы.

– А что это такое? – обратился он к стоявшей рядом с ним древней бабуле, чисто из любопытства.

– Как что? – невозмутимо ответила бабуля, – все пришедшие сюда вкушают Тела Христова.

– Так это тело Христа? – задал Философ следующий вопрос.

– А как же... – причмокнула та, и Философу показалось, что в глазах ее мелькнуло что-то хищническое.

Услышанное повергло Философа в шок.

– То есть вы едите Христа? – обескураженный, задал он вопрос, скорее себе, нежели кому-то еще. – То есть он только что родился, а вы его уже едите, я правильно понял? – последнее он почти прокричал.

На какое-то мгновение в церкви воцарилась полная тишина. Философ почти физически ощутил, как его нечаянный крик повис в воздухе. И тут же почуял неладное.

– Ты что такое говоришь? – запричитала бабка, – богохульник...

И тотчас по церкви пронесся гул:

– Богохульник, богохульник...

Философ почти физически ощутил нависшую над ним угрозу. Где-то на грани сознания возникло и стало материализоваться, набухать, постепенно обретая очертания, когда-то где-то слышанное малопонятное слово: АНАФЕМА.

Толпа обернулась к нему и начала медленно надвигаться.

Философу показалось, что его буравят насквозь раскаленные сверла. Это были их взгляды. Полные ненависти взгляды.

Философ понял, что допустил очень серьезную ошибку. Ошибку, которая будет стоить ему если не жизни, то уж здоровья – точно. И тогда он принял единственно верное решение – бросился наутек. Он не хотел, чтоб его съели как Христа.

Вновь растолкав толпу, он вырвался из церкви и сломя голову рванул через церковный двор. К нему тянулись чьи-то руки, больше похожие на когтистые лапы чудовищ из ночного кошмара, а сзади несло словно заклинание:

– Богохульник, богохульник...

Он пробежал метров двести и, наконец, позволил себе оглянуться. Погони не было.

Слава богу, – подумал Философ, переводя дух и пытаясь восстановить сбившееся дыхание, но тут же поймал себя на мысли, – богу? Слава БОГУ? Тому самому, из-за которого меня только что чуть не убили? Ну уж нет!

Воистину парадоксален мир. Философ не очень-то верил в бога, но, даже если допустить, что тот существует, причем

тогда все эти люди, собравшиеся здесь? Эти чудовища?

Он еще раз бросил взгляд в сторону церкви – изгнав мятежника, толпа вновь погрузилась в свое монотонное действие. Философ почесал затылок. Кажется, он начинал понимать смысл выражения «нищие духом».

Вот ведь чуть не встрял, – подумал Философ, – после такого и напиться не грех. Он достал сигарету и закурил. Потом посмотрел на холодное звездное небо. Небо, которое только что безучастно взирало на то, как его, Философа, чуть не разорвали на куски и не съели.

Философ показал небу кулак и пошел в ту сторону, где ночную тьму прорезали огни круглосуточного магазина.

ЗАЧАСТУЮ МИР, В КОТОРОМ МЫ ОЧУТИЛИСЬ БЕЗ НАШЕГО НА ТО СОГЛАСИЯ, НЕ ОЧЕНЬ-ТО НАМ ПО ДУШЕ, И ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ИЗБЕЖАТЬ ПРЯМОГО СТОЛКНОВЕНИЯ – НАРКОТИКИ ИЛИ АЛКОГОЛЬ.

Мысли

«Почему люди скучные бывают вполне счастливы, а люди умные и интересные умудряются в конце концов отравить жизнь и себе, и всем близким, думал он»
Эрнест Хемингуэй

Сколько же дней я пил? Месяцев, лет, тысячелетий?

Я просыпаюсь под вечер – разбитый, усталый и одинокий. Я вижу в окно, как огромное безумное солнце катится за крыши домов, оставляя на небе кроваво-красный ожог.

Единственный вопрос, который сейчас мучает меня: почему? Почему я здесь один? Один во всем этом мире. И почему мне так плохо? Я иду на кухню попить воды.

Я открываю кран и жду, пока вода пробежит. Рукой нащупываю стакан на столе рядом и придвигаю его к себе, а сам, не отрываясь, смотрю на струю, бьющую из крана. Она пузырится и, разбиваясь о раковину подобно потоку водопада с множеством брызг, уходит в сливное отверстие. Я думаю о том, что это так похоже на мою жизнь: падение, брызги и один путь – в канализацию.

ВСЕ МЫ ХОТИМ ЧЕГО-ТО БОЛЬШЕГО, ЧЕМ ТО, ЧТО ЖИЗНЬ МОЖЕТ НАМ РЕАЛЬНО ПРЕДОСТАВИТЬ.

Я судорожно пью и ставлю стакан назад на стол. Нетвердым шагом иду к холодильнику. Холодильник так же пуст,

как и мое сердце.

Что ж – одеваюсь и иду на улицу. Внешний мир оглушает меня какофонией всевозможных звуков, мешаниной голосов, симфонией вечерних шумов. Мимо проносятся машины, лица людей. Или лица людей-машин? Я не знаю.

Захожу в магазин, покупаю две бутылки дешевого вина, упаковку сосисок и батон. Продавщица смотрит на меня как на привидение. Что ж, она права: привидением я сейчас и являюсь.

Выйдя из магазина, я наталкиваюсь на маленькую девочку лет пяти-шести. Она пронесится мимо меня вся в слезах с криками:

– Они меня бросили, они меня бросили...

Я не знаю, кто ее бросил и за что, но слышу в ее голосе бескрайнюю обиду и отчаяние. Мне искренне жаль ее, это ее первое столкновение с одиночеством.

– Они меня бросили, они меня бросили...

Этот мир приручает нас, подобно диким котяткам, возвращает нас, одаряет лаской – только для того, чтобы однажды бросить на произвол судьбы. Или вышвырнуть на помойку – кому как нравится. Мы – лишь игрушки в его руках. И мы одиноки. Одиноки так, что единственное наше спасение – смерть. Или иллюзия...

Мы ищем подобных себе – тех, кого мы хотим любить, окружать заботой и вниманием, – с одной лишь целью: уйти от одиночества, сбежать из цепких когтей пустоты, что сви-

ла свое гнездо внутри каждого из нас. Мы неспособны сделать другого человека счастливым, ибо сами несчастны. Мы можем подарить ему лишь иллюзию. И сами поверить в нее. Наша жизнь иллюзорна, но нам зачастую не хватает смелости признать это.

Я возвращаюсь домой, погруженный в эти тяжелые раздумья. Еще одна блуждающая в темноте душа. Брошенная всеми.

И я знаю, что я буду сегодня делать. И завтра, и послезавтра...

Я буду пить.

Грязная история

«Как ни теряй голову, при скорости двести в час любовь отступает на задний план»

Франсуаза Саган

Почему размеренной обеспеченной жизни некоторые люди предпочитают алкоголь или наркотики? Можно дать тысячу ответов на этот вопрос, но далеко не факт, что хоть один из них окажется верным. Возможно, их просто не устраивает размеренная обеспеченная жизнь. По крайней мере, Ботаник склонялся именно к такой точке зрения.

Ботаник был в своем роде уникалом. Ему довелось целых три раза учиться на первом курсе биологического факультета, но ни один из них так и не закончился преодолением Рубикона, то есть переходом на следующий курс. И дело было вовсе не в том, что Ботаник был неспособен к учебе, просто как-то не срасталось – и все.

Ботаника интересовала жизнь во всем многообразии своих форм, именно поэтому он и выбрал предметом своего изучения биологию, но, как только начинался очередной семестр, научные изыскания Ботаника сводились главным образом к изучению различных форм похмелья. И он ничего не мог с этим поделать, ибо было в этом что-то глубоко иррациональное, что-то такое, что не вписывалось в рамки ни

одной известной ему теории.

Утро часто заставало Ботаника в столь печальном состоянии, что он каким-то внутренним совершенно бессознательным чувством, никак не связанным с деятельностью рассудка, осознавал: смерть наступает гораздо раньше того, как особь прекращает свое биологическое существование. Он умирал почти каждое утро.

И в первую очередь это касалось окружающего мира и людей. Они как бы уходили на второй, рассеянный план, исчезали что ли, и ты для них тоже – был не больше, чем привидением. Взаимное исключение – так это можно было назвать.

Вот и сегодня все игнорировали Ботаника, словно тот давно уже умер, и единственное, что отягощает окружающих своим присутствием, – лишь его труп.

Ботаник попытался это как-то осмыслить. Мысли на секунду собрались в комок и тут же разлетелись, как ворох сухой листвы, поднятый ветром. В глазах зарябило, Ботаник почувствовал, как судорога прошла по его телу. Одна за другой умирали несчастные клетки его многострадального организма.

В первую очередь игнорировала Ботаника его девушка – по крайней мере, так ему показалось. Когда он смог встать и вышел на кухню, она вместо того, чтобы предложить ему хотя бы кофе (о пиве он и не мечтал), посмотрела на него как на пустое место, и ушла в комнату.

Что это с ней? – подумал Ботаник, провожая ее взглядом.

Мы поссорились?

Каждое утро Ботаник задавал себе вопросы, на которые не мог найти ответа (что я натворил вчера? неужели это был я? это точно было вчера? и т. п.).

Возможно, я угодил в параллельный мир, – решил Ботаник.

Вообще-то он не был сторонником эзотерики, но долгие запои утвердили его в убеждении – параллельные миры существуют (особенно это касалось тех случаев, когда он просыпался с бодуна в незнакомых ему местах, среди незнакомых людей, не помня ни нынешнюю дату, ни кто он, ни что он, ни как сюда попал). Во всяком случае, в том состоянии, в котором пребывал сейчас Ботаник, идея о параллельном мире не казалась такой уж фантастической.

Ботаник обнаружил на столе пачку сигарет и, выудив дрожащей рукой из нее одну, закурил. По кухне поползли клубы табачного дыма. Черт, что же все-таки вчера произошло?

Вспомнить не удавалось. Ботаник посмотрел на улицу через окно: по ту сторону грязного стекла серой кляксой расплывался пасмурный февральский день.

– Перекати мое тело, мама, – я обезвожен насквозь, – глухо пропел Ботаник.

Внутри зашевелился и полез наружу тяжелый комок горестных мыслей, Ботаник еле сдержал его. Скрученный спазмом пищевод выстрелил резкой болью, от которой Ботаник сморщился. Мое биологическое тело действительно умира-

ет, – обреченно констатировал он.

Сигарета в его руках давно уже превратилась в изогнутую полоску пепла, Ботаник швырнул ее в раковину. За окном заорала одинокая ворона, ее надтреснутый голос долетел до Ботаника чистейшим сгустком печали. Он уронил голову на руки, пряча лицо в потных ладонях. Ему было очень плохо. Он был солдатом разбитой армии, оказавшимся на территории врага.

Дверь в кухню с грохотом распахнулась, словно по ней от души саданули ногой. Этот грохот отдался в мозгу Ботаника очередной порцией боли. Он нехотя оторвал лицо от ладоней и поднял голову.

На пороге стоял Ефрейтор, сжимавший в каждой руке по полуторалитровой бутылке пива. На его лице застыло миссионерское выражение.

– Здорово, солдат! – прокричал, как показалось Ботанику, Ефрейтор, – что помираешь?

Ботаник чуть повел головой.

– Ну, это мы сейчас поправим, – усмехнулся Ефрейтор, проходя в кухню, – да... дал ты вчера джазу...

Ботаника обожгла неприятная мысль: он что-то знает. Что-то такое нехорошее, что творил накануне Ботаник. Он воззрился на Ефрейтора. Тот уселся на подоконник, открыл одну бутылку (другую бережно поставил рядом) и, сделав несколько глотков, протянул ее Ботанику, сам же полез в карман за сигаретами.

Ботаник глотнул из бутылки, не сводя глаз с Ефрейтора. Тот прикурил от зажигалки и теперь смотрел в окно, изредка затыгиваясь. Ботаник глотнул еще и тоже достал сигарету.

– А что вчера было? – осторожно спросил он.

Ефрейтор выпустил облако дыма, потом протянул руку за бутылкой, Ботаник передал ее ему.

Ефрейтор надолго присосался к бутылке, Ботаник наблюдал, как судорожно ходит его кадык. Наконец, Ефрейтор оторвался, затынулся и посмотрел на Ботаника, ухмыляясь:

– Ты что, вообще ничего не помнишь?

Ботаник принял из его рук бутылку, глотнул пива и отрицательно помотал головой:

– Не-а...

– Ну ты даешь!.. – изрек Ефрейтор. – И что, Алиска тебе ничего не сказала?

– Нет... Она, похоже, вообще со мной не разговаривает.

Ефрейтор засмеялся:

– Да уж... Неудивительно, что не разговаривает, ха-ха-ха...

– Почему? – Ботаник еще глотнул пива. Похоже, дело принимало серьезный оборот.

Ефрейтор засмеялся еще громче:

– Ха-ха-ха... ты... ха-ха-ха... ты...

– Что я? – нетерпеливо спросил Ботаник.

– Ты... ха-ха-ха... ты... – Ефрейтор заходился в припадке смеха, – ты... ты... ты ж насрал в ее комнате, – наконец

выдавил он и вновь принялся смеяться.

– То есть? – Ботаник недоумевал, – В каком смысле насрал?

Ефрейтор выхватил из его рук полторашку, сделал несколько глотков, потом отдышался и, наконец, приняв серьезный вид, сказал:

– В прямом... ты реально наложил кучу посреди ее комнаты.

Услышанное повергло Ботаника в шок. Он всерьез начал полагать, что превратности запоя вынесли его в какую-то иную Вселенную, где события и факты были ему абсолютно неподконтрольны, более того – так или иначе направлены против него.

– Ты хочешь сказать, что я произвел акт дефекации на полу ее комнаты?

– Именно, – Ефрейтор сделал пару глотков и передал бутылку Ботанику, – это я и хочу сказать... Нет, я, конечно, сам не видел, но Алиска...

– Что Алиска?

– Да ты бы видел ее лицо с утра... – Ефрейтор усмехнулся. Потом решил пояснить – Сижу я, значит, здесь часов так в шесть утра... все разбрелись, я пиво пью в гордом одиночестве, и тут врывается Алиска с перекошенным таким лицом... ну, думаю, – что-то случилось не иначе, ну и спросил в чем дело...

– И она?

– Ну, она и рассказала, – Ефрейтор сунул в рот очередную сигарету и закурил, – мол ты ночью проснулся, встал с кровати, вышел на середину комнаты, спустил трусы и принял-ся... как бы это сказать... испражняться, вот... а потом еще и кофточкой ее подтерся – она на стуле висела...

ЭТО ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР! ЭТО ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР! ВСЕ НЕВЗАПРАВДУ. ИЛИ ВЗАПРАВДУ? ЧЕРТ ЕГО ЗНАЕТ.

– Во, бля... – только и сказал Ботаник.

– И не говори, – подтвердил Ефрейтор, – Алиска, конечно, все сразу убрала, но неудивительно, что она с тобой теперь не разговаривает. Странно, что ты вообще ничего не помнишь...

– Не помню... – кивнул головой Ботаник. – Вообще ничего не помню...

– Да ты не парься, – хлопнул его ладонью по спине Ефрейтор, – бывает... У нас в армии... хотя, впрочем, не будем... На вот лучше пивка попей, – и он протянул ему ополовиненную бутылку.

Ботаник надолго припал к горлышку. Вообще-то он не был сторонником эскапизма, но сейчас... сейчас ему хотелось оказаться где-нибудь далеко отсюда, где угодно – хоть в центре готовой вот-вот взорваться сверхновой – но лишь бы не здесь...

Когда он оторвался от бутылки, он почувствовал, как в организме происходят приятные перемены. Словно бы ему удалось вырваться из цепких лап неминуемой смерти. Каждой клеткой своего тела он чувствовал, как к нему возвращается жизнь.

– Да уж... – выдохнул Ботаник. – Грязная вышла история.

– Что грязная – это точно, – улыбнулся Ефрейтор, принимая из его рук бутылку с остатками пива.

Они помолчали. Ботаник осмыслял масштабы содеянного. Не то чтобы его мучила совесть, нет – он вообще считал совесть пережитком темного религиозного прошлого, а ее редкие угрызения – проявлениями алкогольной депрессии, – но сегодня ночью он превзошел себя самого. Интересно, что бы это значило с точки зрения фрейдизма?

– Слушай, – прервал его размышления Ефрейтор, – у нас еще целая бутылка пива, пойдем на улицу – освежимся, там и выпьем...

Что ж, если и бежать, – решил Ботаник, – то хоть с пивом. И свежий воздух мне бы не помешал. После всего услышанного...

И он согласился.

ОШИБКА БОЛЬШИНСТВА ПОХМЕЛЯЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ: ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО СМОГУТ ВОВРЕМЯ ОСТАНОВИТЬСЯ.

– *Yersinia Pestis* нашего разума... – прошептал Ботаник, швыряя пустую бутылку в кусты. Какая по счету она была сегодня? Черт его знает...

Смеркалось, короткий зимний день уходил в небытие, погружая мир в пьяную дрему. Они пили весь день, не остановившись на том, что принес с утра Ефрейтор. У Ботаника слегка рябило в глазах.

– Чего? – возрился на него пьяный Ефрейтор.

– Ерсиния Пестис, твою мать... бактерия, которая вызывает чуму, – пояснил Ботаник.

Еще один день промелькнул мимо – как не бывало. Еще один глупый момент времени. Кусочек бессмысленной жизни.

– Эт... это ты к чему? – с трудом сформулировал вопрос Ефрейтор.

– Да так, – отмахнулся Ботаник, – в том смысле, что, если не вздернут меня на первом попавшемся столбе, – вздернусь сам.

– Пиздец, – коротко проронил Ефрейтор в ответ.

Они помолчали. Ефрейтор достал сигарету и закурил. Потом нарушил тишину:

– Слушай лучше – у нас в армии история была. Татарин у нас один служил, Сайтбаев его фамилия. Здоровый такой был. Так вот уселся этот Сайтбаев как-то в сортире на очко

и принялся онанировать. А тут сержант заходит – его замок, в смысле заместитель командира взвода, и случайно прям в ту кабинку, где он сидит, ломится. А там же защелок нет... Ну и видит, значит, сержант мастурбирующего Саитбаева. Смотрит на него, а тот на него. Сержант и спрашивает:

– Ты чего делаешь, дрочишь что ли?

А Саитбаев ему невозмутимо в ответ:

– Во-первых, не дрочу, а снимаю половое напряжение, товарищ сержант, а, во-вторых, закрой дверь, сука, отвлекаешь...

И Ефрейтор засмеялся. Ботаник тоже улыбнулся. Потом спросил:

– А ты это к чему?

– Да так... – ответил Ефрейтор. – Просто вспомнилось.

На улице зажгли фонари, их тусклый свет разлился по грязным клочковатым сугробам, похожий на лужу блевотины.

– Да уж... – сказал Ботаник, размышляя вслух. – В мире много всего непонятного...

– Например? – спросил в ответ Ефрейтор.

– Например, сам этот мир, – коротко изрек Ботаник.

– Ну, ты хватил... – Ефрейтора слегка качнуло. – Ты, кстати, домой-то собираешься? А то что-то холодать стало.

– Что-то стало холодать – не пора ли нам поддать? – усмехнулся Ботаник. – Не знаю, если честно... после всего случившегося... мне кажется, Алиска не очень-то захочет меня

видеть.

– Тогда пойдем ко мне, – предложил Ефрейтор, – у меня целая кровать свободна.

– Хотел бы я быть свободен, как эта кровать, – улыбнулся Ботаник, – но увы... Ладно пойдем.

– Только пивка надо с собой захватить, – подытожил Ефрейтор, – у тебя деньги есть?

– Да что-то, вроде, оставалось.

– Значит, решено – идем ко мне, – Ефрейтор сунул руки в карманы своей шинели, которую, равно как и прозвище, носил с самых армейских времен, – Пошли?

– Пошли.

И они пошли, оставляя позади неуютную февральскую ночь и прокладывая себе путь вперед далеко бегущим запахом перегара.

Ты можешь родиться красивым и умным, стать образованным и богатым человеком, но это не дает тебе гарантии того, что твоя жизнь будет хоть сколько-нибудь интересна и понравится тебе самому, вот поэтому мы и ищем грань, за которой начинается Хаос. В этом мы похожи на леммингов, подбирающих подходящий и приемлемый способ скорого самоубийства. Так интересней – вот и всего.

ТЫ ВЕДЬ ХОЧЕШЬ ПОИГРАТЬ НА НЕРВАХ РЕАЛЬНОСТИ?

ПРИЗНАЙСЯ, А?

Скорость

«Русские привычки не приносят счастья»

Эдуард Лимонов

– Есть одна тема, – говорит Философ, заваривая коричневую гашишную плюшку на сигарете в самодельном бульбуляторе – пластиковой бутылке из-под лимонада с проплавленным в ней отверстием. Густой дым внутри бульбулятора при этом плавно поднимается к горлышку.

Мы сидим у него дома и курим гашиш. За окном сгустились мерзлые февральские сумерки.

– Что за тема? – спрашиваю его я.

Вообще Философ горазд на различные выдумки – вроде, как срубить денег, совершенно не вкладываясь при этом, есть у него такой сомнительный талант.

Вот одна из его схем для примера. Философ вывешивает в Интернете объявление, типа работа на дому со сдельной оплатой – ну там засовывать вкладыши в коробки с лазерными дисками или что-нибудь в таком духе. Короче, вариант для жирных ленивых сучат или тех, кому уже совсем некуда деваться, ибо никуда на работу не берут.

Так вот суть в том, что эти ребята из Интернета звонят Философу, он обговаривает с ними условия работы, потом говорит, что человек ему подходит и он его берет. Жди-

те вкладышей, но... за этим следует предложение оплатить услуги курьера по доставке этих самых вкладышей на дом клюнувшей рыбке. Всего-то сто рублей – мелочь какая. Можно перевести на электронный кошелек Философа. Чувак ведётся и переводит, ведь сто рублей – не деньги. Конечно, курьер к нему никогда не придет, а Философ деньги быстро пустит в оборот – на тот же гашиш хотя бы.

Самое забавное, что в этой стране непуганых идиотов из ста человек, хоть двадцать да поведутся и деньги зашлют. А уж морочиться по поводу того, что тебя кинули на сто рублей, никто не станет. Но сто на двадцать – это уже две тысячи. А Философ мыслит в промышленных масштабах. В нем вообще, пожалуй, умер великий махинатор. Но это – лирическое отступление.

– Тема простая, – отвечает Философ, протягивая мне бульбулятор, помутневший от гашишного дыма, – летом выходишь на Невский, ну там пивка себе берешь и гуляешь туда-сюда – в общем, типа наслаждаешься жизнью. – Я вдыхаю дым и возвращаю бульбулятор Философу, он принимается заваривать плюшку себе. – Ну и по ходу дела, – продолжает Философ, – знакомишься с двумя какими-нибудь девчонками, желательно помоложе и поглупее. Сидишься им на уши и слово за слово – приглашаешь в ресторан.

– Ага, – говорю я, – так они и пошли.

– Пойдут, – Философ прерывается и вдыхает в себя порцию каннабиольного дыма, молчит, потом выдыхает и про-

должает, – какая девчонка не хочет в ресторан? А тем более малолетняя дура... Ну, вот, значит, идем мы в ресторан, там заказываем себе всего самого крутого и дорогого, бухла там, жратвы разной, – все это едим-пьем, болтаем с девчонками о том о сем, а под конец сруливаем, причем маза простая. один, вроде как выходит позвонить по телефону и пропадает надолго, второй как ни в чем не бывало беседует с девчонками дальше, потом вдруг начинает проявлять признаки беспокойства за своего товарища, в конце концов, выходит на минутку посмотреть – не случилось ли с ним чего – ну и не возвращается, конечно. Девочки сидят, ждут, а потом вдруг осознают, что их кинули и что они попали на солидную сумму денег. А мы с тобой сытые и пьяные спокойно идем проворачивать этот трюк дальше. Только делать это летом надо, чтоб одежду в ресторанный гардероб не сдавать, на вешалки не вешать – палево...

– Идея интересная, – говорю я ему со смешком, – но для этого надо, как минимум, дожидаться лета.

– Да уж, – вздыхает Философ, – заебала уже эта зима. Хотя имеется у меня в разработке еще одна тема...

– Еще одна? – переспрашиваю его я, готовясь услышать еще одну захватывающую историю о том, как разбогатеть двум великовозрастным лентяям.

– Пойдем, за пивком сходим, – отвечает Философ, – я тебе по дороге расскажу.

Мы отставляем в сторону бульбулятор и начинаем соби-

раться.

Я надеваю свою выдавшую виды армейскую куртку из секонд-хенда и натягиваю говнодавы со стоптанными подошвами. Легкий дымок гуляет внутри моей черепной коробки, навевая яркие красивые фантазии. Кто сказал, что окружающий нас мир – не очередная наркотическая иллюзия?

Мы спускаемся вниз на лифте, Философ рассказывает что-то про знакомого барыгу, который как-то пережрал грибов и после этого сошел с ума. В смысле он и до грибов был не совсем в себе, но нынче ушел в свой собственный микрокосм вообще с концами, отгородился от внешнего мира и круглые сутки играет в компьютер. Почти не ест и на улицу не выходит. К тому же на районе у него осталась куча долгов, и некоторые люди очень хотели бы его видеть. А ему плевать – у него мало того, что телефона – даже звонка входного нет. Так что в дверь его квартиры сколько не стучи – все без толку, и пацану все до лампочки. Такие дела.

Мы выходим из парадной и следуем к магазину – благо он под боком, в соседнем дворе. Тусклые фонари разливают свой блеклый свет по грязным сугробам. Где-то играет приглушенная музыка.

У магазина к нам подходит какой-то замызганный алкаш и просит помочь ему деньгами.

– Бог поможет, – коротко отвечает ему Философ и показывает рукой на церковь, которая находится неподалеку. Мы смеемся. Каждый сам хозяин своей судьбе.

Берем пару бутылок пива и пару булочек с маком. Есть после гашиша хочется сильно.

На кассе вытряхиваем из карманов мелочь и помятые десятки и, расплатившись, выходим на улицу. Все тот же алкаш порывается двинуться в нашу сторону, но, увидев, что это снова мы, оставляет свои намерения.

– Давай на улице постоим, – предлагает Философ, – а то дома надоело уже сидеть.

– Давай, – отвечаю я, открывая пиво.

Философ тоже откупоривает свою бутылку посредством зажигалки и делает большой глоток. Потом достает из кармана сигареты и закуривает.

– Короче, – говорит он, – прознал я тут одну тему про песню без слов...

– Про что? – переспрашиваю его я.

– Ну, песня без слов – ночь без сна, Цой типа так пел... про скорость, короче.

Философ – человек-загадка и говорит сплошными ребусами. Придумал тоже – песня без слов, Шерлок Холмс голову ломает.

– И что?

– Ну, типа как ее самому можно получить. У меня вот и рецепт есть. – В подтверждение своих слов он выуживает откуда-то из недр своих карманов сложенный листок и протягивает мне.

Я разворачиваю листок и смотрю, что там написано. Ка-

кая-то распечатка из Интернета с искрометным названием Винт-FAQ. Идет перечисление веществ и их соединений. Эфедрина гидрохлорид, кристаллический йод, красный фосфор и тому подобное – вроде задачки на лабораторной по химии. Вечно у Философа голова работает в сторону откровенного криминала. Как, впрочем, и у всех мыслителей всех времен.

– И что, думаешь, получится? – спрашиваю его я. Вообще всякие химические эксперименты мне нравятся с детства, с тех пор, как в седьмом классе я сделал самопал и изготавливал для него кустарный порох.

– Без веры, брат, ничего не получится, – глубокомысленно отвечает Философ, – это тебе в том строении подтвердят, – и он вновь указывает на церковь.

– И каковы масштабы затеваемого производства? – перехожу я сразу к конкретике.

– О, брат, масштабы наши – вся Вселенная, если можно так выразиться, – он улыбается, – а вообще надо бы попробовать, можно сначала и для собственного пользования изготовить, чтобы не травиться всякой херней с улиц, а уж потом...

Что будет потом, я знаю. Все проекты Философа действительно носят планетарные масштабы. Я в этом не раз убеждался.

– А реактивы?

– Я знаю пару мест, где их можно попробовать раздобыть,

а вообще есть же, наверное, фирмы, которые их для всяких лабораторий продают. Кто-то же спиды делает, значит, где-то и реактивы берет.

– В принципе, можно попробовать, – говорю я, – хотя бы ради эксперимента.

– Вот именно, – Философ бросает истлевший окурок в сторону, – ради эксперимента. Эмпирика – великая вещь! Ладно, пойдём домой – что-нибудь по зомбоящику посмотрим, и спать – завтра приступим к поискам.

План у нас есть, и мы приступаем к его реализации. Производство наркотиков – интересная затея, как на нее не посмотри. Во-первых, есть чем убить время, которого у таких разгильдяев, как мы с Философом, – вагон и маленькая тележка, во-вторых, на этом можно поднять денег. Кто имеет что-то против торговли наркотиками? Сделать шаг вперед. Вот только вряд ли кто выйдет. Призадумайтесь. Нам каждый день подсовывают какую-нибудь отраву – включите телевизор и поймете, о чем это я. Так-то вот.

С утра мы идем на знакомый рынок. Там, вроде как, есть ларек с реагентами. После долгих поисков мы его все-таки обнаруживаем. Правда, содержимое прилавка оставляет желать лучшего – это набор для школьника, практикующегося на всяких химических приколах, нам же нужны ингредиенты для коктейля Молотова – не меньше. Но кое-чего удастся прикупить.

– Бля, а ведь, если подумать, – говорю я Философу, – мы с тобой собираемся нарушать закон.

– И не раз, – подытоживает Философ, улыбаясь.

Честно говоря, никогда не испытывал приязни к закону. Как-то нам с ним всегда было не по пути. Всю свою жизнь, сознательно или нет, я делал что-то, идущее с ним в разрез. Хотя, говоря по существу, закон – вообще странная штука. Он, как ни странно, запрещает все то, что так по нраву человеку. Убийство, воровство, сексуальные извращения – все это появилось задолго до того, как придумали письменность и правоохранительные органы.

Философ предлагает заглянуть на почту.

– Это еще зачем? – спрашиваю его я.

– Нам нужен телефонный справочник, брат, – отвечает он, – такая книжка, где записаны телефоны и адреса, типа Желтых страниц.

Идея понятна. Нужно использовать достижения информационной цивилизации для нашей террористической деятельности по максимуму. Мы топаем по грязно-коричневому февральскому льду, потягивая сигареты. Понурый засыпанный снегом мир взирает на нас глазами человека, давно и навсегда потерявшего всякую надежду на солнечные дни.

Почта – вечное столпотворение каких-то людей, которым, как, впрочем, и мне с Философом, нечем заняться. Но у нас хотя бы есть цель. Или план, как хотите.

Мы протискиваемся сквозь толпу к столам, заваленным

всякими бланками и книгами. Там и разыскиваем потрепанный справочник с телефонными номерами. Философ принимается его листать, а я достаю блокнот и ручку.

Философ с задумчивым видом перелистывает страницы, изредка произнося названия, адреса и телефоны. Я записываю. К нам подходит какой-то мужик с красным обветренным лицом. По виду – псих полный.

– Во-во, – говорит он, как-то неприятно щурясь, – все проебываются... пахать бы им, бля, на заводе... а они все ползают, ищут чего-то... шарятся... пьют, блядь, водку без просыху... бога в вас нет...

Вроде, не пьяный. Наверное, просто ебнутый. Еще один чудик в этом потерявшем рассудок мире.

– Иди, мужик, не томи душу, – говорю ему я, указывая на выход. Философ вообще игнорирует эту безумную особь homo sapiens.

Мужик направляется мимо нас к выходу, бубня себе под нос:

– Креста на них нет... ироды...

Одним словом псих. Или алкаш какой-нибудь. Или, что еще страшнее, алкаш в завязке. Нет хуже алкоголика, чем завязавший алкоголик. Это что-то вроде клоуна без цирка. Или пожарника, дрейфующего на льдине в открытом океане.

Запасись впрок адресами и номерами телефонов, мы выдвигаемся на охоту.

Первая контора – глухо как в танке. Свет в зарешеченных

окнах не горит, дверь заперта. Похоже, переехали. И, видимо, давно. Однако Философ не унывает.

– Давай, выпьем пивка, – говорит мне он.

От таких предложений не отказываются. И уже через десять минут мы сидим в близлежащем замерзшем сквере на заиндевевшей скамейке и тянем пиво. Людей здесь мало, а те, что есть, – какие-то серые и мутные. Похожи на привидения.

Философ рисует мне радужные перспективы нашего будущего бизнеса. Я отношусь ко всему этому несколько скептически, но меня подогревает азарт. Это что-то вроде игры в казаки-разбойники. Заняться нам, в конце концов, все равно нечем.

– Затраты минимальные, – говорит мне Философ, – а результаты максимальные. Схема идеальная, как ни крути.

– Мы пока что не сильно продвинулись в этом деле, – выдвигаю я антитезис.

– Мы только начали, брат. Дорогу осилит идущий.

Что ни говори, а оптимизма Философу не занимать. Хватит на двоих. И это при том, что в последнее время он пребывает в полосе хронического невезения.

Хотя везение – безусловно, вещь относительная. Ты можешь иметь машину, счет в банке, а потом в одно прекрасное утро тебе на голову упадет кирпич – и пиши-пропало. Мы не застрахованы ни от чего. В том числе и от неожиданного счастья.

Я делаю глоток пива. Смотрю вокруг. Унылый февральский пейзаж. Люди, изредка снующие туда-сюда. Пришибленные, придавленные грузом житейских проблем. Потерявшие душу в этом беспощадном городе. Привыкшие вставать рано утром и идти на работу, а поздно вечером возвращаться домой. Живущие на тошнотворном отрезке дом-работа-дом. И не знающие иных измерений.

Я понимаю, что, в общем-то, Философ прав: уж лучше быть наркодилером и каждый день рисковать быть прихваченным за жопу соответствующими органами, чем спускать свою жизнь в унитаз таким вот образом. Наверное, мы – последние романтики в этом загнившем мире, а наркотики и алкоголь – это что-то вроде барокамеры, нашей секретной комнаты, в которой мы прячемся от него. Мы – дети, скрывающиеся от взрослых, потому что мы не хотим быть взрослыми, потому что мы не хотим отравлять свою беззаботную жизнь взрослением со всеми вытекающими отсюда последствиями: неизбежным цинизмом и душевной пустотой.

Мы бросаем пустые бутылки в урну, почти доверху забитую мусором, и продолжаем поиски. Философ насвистывает «Кукушку» Цоя. Просвистеть деньги согласно народному поверью он не боится – их просто нет.

Нам повезло: во второй конторе жизнь пока теплится. Мы заходим и осматриваемся. Ничего особенного – серый офис со скучающими людьми, одного взгляда на которых доста-

точно, чтобы испортить настроение на весь день. Какая-то тетка со строгим лицом, похожая на школьного завуча, обращает на нас внимание и спрашивает:

– Вам чего, молодые люди?

Я молчу. Философ мнетя, потом отвечает:

– Нам бы соляночки...

– Чего? – переспрашивает тетка.

– Ну, кислоты соляной. Продаете такую?

Тетка хмурится. Заметно, что внутри ее черепа происходят какие-то механические коловращения. Потом задает очередной вопрос:

– А вам зачем?

– Ну... – Философ думает, что бы такое сказать, но тут ему на помощь прихожу я:

– Да понимаете, такое дело... У нас двойки за контрольную по химии, вот. Учитель сказал, что поставит нам тройки, если мы ему банку соляной кислоты в лабораторию купим.

– Так и сказал? – вновь переспрашивает тетка.

Я пытаюсь понять, насколько она поверила тому, что я только что сказал, так как на школьников мы при любых раскладах похожи разве что с очень большой натяжкой.

– Так и сказал, – пытается подыграть мне Философ.

– Да-а-а, – тянет тетка. Потом берет ручку и что-то рисует в тетради, лежащей перед ней. – А вы вообще понимаете, что соляная кислота – это наркотический прекурсор?

– Пре... чего? – спрашивает с невинным видом Философ.

– Прекурсор, – невозмутимо отвечает тетка, – так что продать вам ее я никак не могу.

– Ну, нам же надо, – пытаюсь я пробиться к ее сердцу сквозь жесткую скорлупу стервозного характера, подогретого надвигающимся климаксом, – родителей не хочется расстраивать...

– Нет, – говорит тетка, давая понять, что разговор на этом закончен, – вот вам наш номер телефона, пусть ваш учитель мне позвонит – тогда я, может, что-то вам и продам, а так – нет. Она протягивает бумажку с номером, я нехотя беру.

Вот так. Разговор окончен и любые доводы бесполезны. Мы с Философом уныло капитулируем.

– Пиздец, – коротко резюмирует Философ на улице. Потом достает сигарету и закуривает. Я молчу. Что тут можно сказать? Не повезло. Всему виной прекурсоры – вот мой личный вывод.

Идем дальше. Адресов еще много, и мы не собираемся останавливаться на достигнутом. Хотя энтузиазма после нашего провала поубавилось даже у Философа.

И все-таки счастье в жизни есть. Потому что в следующей фирме нам на удивление легко выписывают какую-то квитанцию на получение химикатов. Правда, надо с ней топтать на склад. Склад, судя по описанию, находится где-то у черта на куличках. Но это все же значительный прогресс. Вот так. Философ от радости чуть ли не светится, словно его самого пропитали каким-то особым соединением.

Мимо гроыхает трамвай. Небо хмурится, готовясь упасть на город и придавить его своей тушей. Хуже февраля может быть только февраль. Конец зимы, когда кажется, что все силы природы на исходе и она бьется в конвульсиях, задушенная бесконечной зимой. Оптимизма это точно не прибавляет.

Склад. Нужно его найти. Легко сказать – мы с Философом блуждаем по промзоне уже минут сорок, но пока безуспешно. Бывший химический завод, не сумевший пережить экономических реформ и передела собственности. Ржавые металлические ангары, какие-то полуразрушенные бараки, хмурые гастарбайтеры, ковыряющиеся возле бетономешалки. И сгущающиеся сумерки, в которых тает короткий день и вместе с ним тает надежда вообще что-то отыскать.

Я смотрю по сторонам и думаю, что мы вообще здесь делаем? Что мы делаем в этом неуютном замерзшем мире? Ищем кайфа – этакое эквивалента счастья? Или чего? Я думаю, что мы идем к пропасти. Ага, именно к ней.

И еще я думаю, что мы идем к пропасти, но скорее всего до края не дойдем. Нас потянет назад, к магниту бытия, к спокойной жизни и медленному старению. Мы станем менеджерами, ваяющими свое светлое корпоративное будущее. Через несколько лет мы забудем, как строили планы стать местными наркобаронами в своем микрорайоне. Забудем, как ненавидели всех этих офисных мудил. Да, ведь все так и будет. Но сейчас мы здесь. Пока еще здесь. И мы ищем

этот гребаный склад.

Мы находим его тогда, когда вокруг уже не видно ни зги. Ржавая металлическая дверь. Тишина. Похоже на кадр фильма ужасов. Стучимся – звук при этом эхом уносится по закоулкам умершего завода. По коже бегут мурашки.

Никто не открывает. Стучимся снова. Тот же результат. Отчаявшись вконец, собираемся уходить. Внезапно дверь скрипит, и из-за нее показывается заспанная тетка в халате. Бросает нам:

– Вам чего?

Философ молча протягивает ей квитанцию. Тетка смотрит в нее, близоруко щурясь. Потом молча исчезает за дверью. Мы слышим, как щелкает засов с той стороны.

Через некоторое время она показывается с целлофановым пакетом и молча протягивает Философу. Я отдаю ей деньги. Она кивает и снова исчезает за дверью. Теперь уже навсегда.

– Какая-то необщительная женщина, – улыбается Философ. Потом заглядывает в пакет. – Зато, щедрая... вот они, химикатики-то лежат... скоро мы вас превратим в другие химикатики... куда более интересные...

– Это точно, – говорю ему я, – пойдем отсюда, надо еще в аптеку успеть.

Аптека. Храм божества удовольствия – при правильном подходе, конечно. Добираемся до нее на трамвае. Главное – не спалиться. Поэтому в трамвае загодя делаем список раз-

ных недорогих лекарств от простуды, между делом вставляя в него искомые – содержащие эфедрин или его производные.

Заходим. Я вижу, как у Философа начинают страждуще бегать глаза. Если каждому человеку в этом мире предназначено определенное место, то он попал в свое.

Я его толкаю в бок – нужно сделать самый что ни на есть незаинтересованный вид, иначе эти аптекари быстро спалят, зачем мы пришли.

Ходим, разглядываем витрины. К нам приближается какая-то полная женщина в белом халате, видимо, фармацевт. Спрашивает:

– Вам помочь, молодые люди?

Философ задумчиво смотрит на нее, потом отчужденно произносит:

– У вас солутан есть?

– Солутан? – переспрашивает она.

– Да, вставляю я, – от простуды.

Она задумывается, потом идет к соответствующей полке и начинает искать. Мы с Философом радуемся: рыбка клюнула.

Она ковыряется минут пять, к ней подходит другая тетка.

– Люба, ты чего ищешь? – спрашивает она у нее.

– У нас солутан есть? – Люба, похоже, никогда не сталкивалась с наркотическими прекурсорами. В отличие от нас (вспоминаем историю с соляной кислотой).

– Солутан? – переспрашивает подошедшая тетка, недолго

думает, потом отвечает – Нет у нас солутана, его уже года три как не продают, из него наркоманы что-то там варили...

– Да вы что? – удивленно вскидывает брови Философ. – И что же?

– Ну, уж этого я не знаю, – отвечает та, – а вам зачем?..

Опять это зачем. Опять ненужное почему. Собственно говоря, зачем всем этим людям знать, отчего другие люди хотят изготавливать наркотики, употреблять их, продавать? Да просто так! Чтобы сбежать из этого дурацкого мира, где они отравляют нам жизнь своими идиотскими расспросами и вечным непониманием. Тут уж нам впору задавать вопросы.

– Да нас бабушка попросила, – говорю ей спокойно я, – вот и список дала – демонстрирую заготовленный листок, – откуда ж ей знать, что солутан запретили? Она и из дому-то почти не выходит... болеет... старая потому что...

– Ну, скажите тогда бабушке, что солутана нет.

– А что отсюда есть? – я протягиваю список: если уж играть, то играть до конца.

В итоге уходим с целой охапкой сиропов от кашля. На этикетках первым номером значится эфедрин гидрохлорид. Кто хочет – тот всегда найдет.

По дороге домой заходим еще в магазин бытовой химии и докупаем то, чего нам не хватает для полного счастья, – бензин «калоша» и щелочь для прочистки труб. Плюс упаковку спичек и резиновые перчатки – на всякий случай. Фи-

лософ светится от счастья. Мы на пороге открытия.

Перед самым домом Философ предлагает взять еще пивка. Я не против – нас ждут великие дела. В пакете гремят склянки с реактивами.

Дома первым делом выпиваем по пиву и принимаемся за работу. Заливаем сироп от кашля в большую пластиковую бутылку. Потом смешиваем с бензином «калоша» и щелочью для прочистки труб. Должен выпасть осадок в виде белых хлопьев. Кажется, это называется экстракция. И так написано в рецепте Философа.

Получается какая-то бурая дурно пахнущая жидкость. Философ ее как следует взбалтывает. Ждем. Попутно выпиваем еще пива. Никакого эффекта. Приходится идти еще за пивом.

Возвращаемся домой. В бутылке без изменений. Мой скепсис растет. Но я заглушаю его пивом. Философу плевать: он до конца уверен в успехе своей затеи.

– Может, никаких хлопьев быть и не должно, – заявляет он. – Вполне возможно, что автор рецепта мог наблюдать данный эффект, будучи уже в состоянии наркотического опьянения.

– Может, оно и так, – отвечаю ему я, – но, пока мы ждем, что у нас будет куча порошка, я точно буду в состоянии опьянения алкогольного.

– Не ссы, – говорит Философ и принимается колдовать

над бутылью. Я вяло наблюдаю.

Он добавляет туда еще соляной кислоты и принимается снова взбалтывать. От бутылки с кислотой идет легкий дымок. Я незамедлительно завинчиваю ее пробкой, так как Философ о ней однозначно уже позабыл.

Затем Философ выливает свою адскую смесь в пустую суповую тарелку и ставит ее на электроплитку, предварительно включив последнюю в электрическую сеть. Мы закуриваем. Философ явно возбужден. Пьем пиво и наблюдаем за процессами в тарелке.

Через некоторое время гремучая смесь начинает закипать и становится похожей на ядовитый бульон. Из тарелки идет странный запах.

– Что-то странное там происходит... – замечаю я.

– Да ладно, – отвечает Философ, – откуда ж нам знать, может, так и должно быть.

После этих слов он снимает тарелку с плитки и ставит ее на стол.

– Где там баяны у нас? – спрашивает он меня.

Я достаю из пакета и передаю ему двадцатикубовый шприц. Он выбирает им жидкость из тарелки и выливает ее в пустой пузырек из-под нафтизина – фурик. Следом засыпает кристаллы йода и красный фосфор. Закрывает крышкой, взбалтывает и ставит на пол. В фурике начинает происходить какая-то реакция, оттуда валит вонючий коричневый дым. Философ садится на пол и зачарованно смотрит

на него. По рецепту теперь надо ждать полчаса.

Мы убиваем их, сидя на полу и попивая пиво. В фурике что-то клокочет и кипит. Дым застилает комнату и Философу приходится открыть дверь на балкон.

Ровно через полчаса реакция действительно заканчивается. В фурике оседает какая-то мутная жидкость. Философ выливает ее в пустую бутылку, разбавляет бензином, щелочью для прочистки труб и соляной кислотой. После этого все взбалтывает и ждет, когда жидкость разделится на фракции.

Через пару минут внизу остается темный осадок, а наверху оказывается прозрачная жидкость, Философ аккуратно переливает ее в пустую тарелку. Оставшееся несет выливать в унитаз.

В сортире он пропадает надолго. Вываливается оттуда, трясаясь со смеху. Я недоуменно смотрю на него.

– Там... – начинает Философ, но снова заходится истерическим смехом. – Там... там... там унитаз дымится... ха-ха-ха...

Я отставляю пиво в сторону и иду посмотреть. Вскоре мы ржем уже вдвоем: из унитаза действительно валит густой белый дым.

– Во, бля, наверное, соседи пересрут, – смеется Философ, – прикинь, садись на горшок, а у тебя вдруг жопа начинает дымиться...

– Да уж, – вторю ему я, – перспектива забавная.

Высмеявшись вдоволь, мы возвращаемся на кухню. Фило-

соф берет тарелку с прозрачным раствором и ставит на плитку – выпаривать. Мы ждем, допивая пиво.

Минут через пятнадцать на дне тарелки остается лишь зеленоватый налет. Философ сконфуженно смотрит на него. Потом осторожно макает туда палец и водит им по деснам.

– Ну что? – спрашиваю его я.

– Да что-то на скорость не похоже...

Я тоже пробую эту гадость. Ерунда какая-то. Что угодно, но не скорость. Может, новый химический элемент для таблицы Менделеева.

– Да-а-а, – тяну я, – столько усилий, а эффекта – ноль.

– Ну, это как посмотреть, – тут же парирует Философ, – зато опыт какой... Эмпирика, одним словом.

Кажется, Философ может придумать оправдание всему. На то он и Философ.

– Говно твой рецепт, – говорю ему я.

– Во-первых, не мой, а наш, – отвечает он, – а, во-вторых, даже если и говно, то какое! Скоростное!

– Что делать-то будем? – спрашиваю его я.

– Да что делать? Горевать что ли? – Философ чешет затылок. – Сейчас все уберем – и за пивом... а то все кончилось, пока мы тут химичили.

Мы убираем всю нашу лабораторию в пустой кофр от баяна (не путать с баяном-шприцом!) Баян – это отдельная история. Года пол назад Философу приспичило научиться на нем играть. Ну, он и купил на толкучке по дешевке. С месяц по-

играл, а потом с бодуна на ту же толкучку и отнес. Деньги мы вместе пропивали.

Философ со своими взбалмошными идеями словно доказывает, что ничто на этом свете не вечно. А тем более, такое хрупкое и ненадежное образование как царство идей.

Минут через десять мы выходим в морозную ночь. В небе высыпали огромные яркие звезды. В глубине темного купола высветился причудливой иллюминацией млечный путь. Философ ловит мой взгляд, устремленный ввысь, и, словно читая мои мысли, произносит:

– Совсем как дороги... скорости...

– И не говори.

– Ладно, черт с ней со скоростью. Сейчас по пиву – и спать. А то я устал за сегодня.

– Не то слово.

И мы идем в направлении магазина, скрипя белым снегом. Белым, как... ну вы поняли – что.

Что может дать тебе эта реальность? Образование, хорошую работу, которую ты возненавидишь через полгода, дом, семью, в которой ты будешь чувствовать себя одиноким, что еще?

Все, что она может тебе дать, – так или иначе, предска-

зуюмо. Возможно, поэтому мы и выбираем что-то иное, хаотичное и неуправляемое, ищем средства выхода за пределы реальности...

Нам нравится эта игра – потому что всегда интереснее то, чего не пробовал и не знаешь, нежели то, что прочувствовали на себе десятки поколений до тебя.

ТАК ЧТО РАССЛАБЬСЯ – ТАМ, ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТВОЕГО ПРИВЫЧНОГО МИРКА, ГОРАЗДО ИНТЕРЕСНЕЙ.

ВОПРОС ЛИШЬ В ТОМ: А СМОЖЕШЬ ЛИ ТЫ ВСЕ ЭТО ПРОМЕНЯТЬ НА НЕИЗВЕСТНОСТЬ?

Долгий день, полный безумия, дождя и солнца

*«Наша земля – это большая проселочная дорога,
а мы, люди, – путники»
Генрих Гейне*

Начало марта. Нечто, похожее на недоваренную пищу, – такое могут есть только самые непрехотливые гурманы. Вечная сырость и грязь. Небо, похожее на пристальный взгляд убийцы. Город словно насекомое в одной из переходных стадий развития, – весь в какой-то слизи, серый и сморщенный. Ненавижу это время.

Я медленно шел по проспекту, локтями расчищая себе путь. Всякое желание двигаться отсутствовало напрочь, но выбора или хотя бы его иллюзии у меня не было. Правильно заметили мудрые люди: дурная голова ногам покоя не дает.

Уже несколько месяцев я не работал. Средств к существованию не имел. Пища оказывалась в моем желудке с периодичностью, позволяющей разве что не помереть от голода. Ночевал обычно у друзей.

За последнее время я довольно-таки неплохо изучил теорию вероятности, каждый день вычисляя возможность того, что мне удастся сегодня найти себе пропитание и крышу над

головой. Как правило, вероятность была низка, но, надо отдать должное небесам, все-таки имелась.

Каждый день я бродил по улицам, убивая время и борясь с голодом. Настоящий поэт должен быть голодным – вспоминалась не помню кем сказанная фраза. Голодным, блин... Временами в желудке урчало и ныло, а иногда он закатывал такие концерты, что все слова про голодных поэтов казались брехней сытых прозаиков.

Один мой приятель, Ефрейтор, как-то рассказывал мне, что однажды шел с девушкой по дороге в приблизительно похожем состоянии. То есть их было трое: он, девушка и их общий голод. И вот, значит, шли они, мечтали о супе из бараньих потрохов, запеченном в духовке поросенке или хотя бы о тарелке пельменей на двоих, как вдруг мой приятель увидел на обочине бутерброд (я давно заметил, что люди, подобные мне, то есть голодные и не имеющие ни копейки денег, ходят, как правило, опустив голову и шаря безумным взглядом по земле, многими это ошибочно понимается, как «повесить голову под грузом житейских проблем», однако на самом деле голова не повешена – она как раз находится в самом что ни на есть рабочем состоянии, то есть занята поиском средств к существованию). Бутерброд был абсолютно свежим и, как выразился мой приятель, «складывалось стойкое ощущение, что кто-то только что тут позавтракал и забыл один-единственный бутерброд, спешно собираясь и снимаясь с места трапезы». Кусок батона и колбасы –

тогда о таком они могли только мечтать. Естественно, недолго думая, приятель и его девушка съели бутерброд, благодаря небо за столь щедрый дар. Свезло – так свезло.

К чему я все это? Так вот – у Берроуза в «Западных землях» упоминается Бог Последнего Шанса, помогающий обреченным, тем, кто сбился с пути в темноте и утратил всякую надежду выбраться из нее целым и невредимым. Бог того самого случайно найденного на обочине бутерброда. Мой бог. Именно к нему я и взывал в это мартовское утро.

А мимо шли люди. Серая бесформенная масса. Уж они-то, я был уверен, позавтракали. Хотя это и вряд ли пошло им на пользу – только апатия либо, наоборот, раздражение отпечатались на их лицах.

По этим лицам можно читать приговор, который бог однажды вынесет человечеству, если все-таки наберется смелости, – все их мелкие грешки, все эти пошлые гадости, скелеты в шкафу, все они явственно запечатлены в них. Глаза, полные ненависти и презрения.

Голод позволяет видеть мир в контрастах. Он очищает мозг от лишней информации, заставляет его мыслить четко, точно. Ты выхватываешь детали, освобожденные от шелухи второстепенных признаков. Только основное: что, сколько, как – и тому подобное. Охотнику некогда думать о высших материях. Хватай и беги – так это называется.

Во всех моих каждодневных похождениях не было какой-то определенной цели, я просто бродил по городу. За-

ходил в музыкальные магазины, разглядывал пластинки, в книжных магазинах читал книги, возле метро и в парках стрелял сигареты. На самом деле моей целью была ходьба как таковая. Я мог идти целый день. Однажды дошел от Васильевского острова до железнодорожной платформы на Ленинском проспекте. В другой раз оказался вообще на правом берегу, в районе Ладожского вокзала.

Движение есть жизнь или что-то в этом роде – сказал кто-то из великих. Учитывая мое положение, движение являлось необходимым признаком моего физического и духовного существования на тот момент.

Внезапно начался дождь. Мелкий, вкрадчивый – противный дождь зимних оттепелей и первых мартовских дней. Я начинал ощущать себя героем какого-то заштатного голливудского триллера. Мистическая музыка, низкие ноты, пианинные басы, разбавляемые резкими каплями клавиш верхнего регистра. Я – весь натянутый нерв, сутулый, втянувший голову в плечи и прячущий руки в глубине карманов.

В недрах куртки завибрировал мобильный. Я достал его и заскочил в арку ближайшего здания, чтобы поговорить. В арке стояло несколько человек с зажженными сигаретами – в форменной одежде, видимо, клерки из офиса, находящегося в этом здании. Звонила Катя.

– Привет, – сказал я.

– Привет. Как дела?

– Если честно, паршиво.

– А что так?

– Есть куча причин, но вряд ли они будут тебе интересны...

– Не знаю. Может, и будут... ты приедешь?

Господи, меня еще куда-то звали! Бог Последнего Шанса – все-таки он существует. Или, по крайней мере, его иллюзия...

– Конечно, могу приехать.

– Тогда приезжай сегодня вечером.

– Хорошо, я приеду.

– Я буду ждать, только...

– Только что?

– Только приезжай трезвый.

– Ага, – она вешает трубку, я убираю мобильный в карман.

Все-таки иногда везет. Иногда меня еще зовут в гости.

С Катей у нас ничего не вышло. Из-за того, что я много пил и ни черта не делал. Так бывает. Большинству девушек не нравятся пьющие самонадеянные мужчины. Точнее, им не нравятся самонадеянные мужчины. Ты можешь пить, но только когда она тебе позволит. Им нравится возиться с нами как с детьми. Играй по ее правилам – и она даже будет покупать тебе выпивку. Но не вздумай проявлять свое Я. Пить когда тебе вздумается. Это противопоказано. Тогда игры в материнскую опеку заканчиваются. И ты оказываешься глупым самонадеянным болваном.

Приблизительно так и получилось с Катей. Наверное, я ей нравился, но вряд ли она когда-нибудь смогла бы смириться с тем, что я все делаю по-своему, превращая свою жизнь, по ее мнению, в ад крошечный. Проебывая шанс за шансом. Слишком много рациональности. При всех разговорах о довлеющем над женщиной интуитивном и эмоциональном начале, они все-таки очень рациональны. Больше, чем мужчины. Это и стало камнем преткновения в наших отношениях.

И, тем не менее, мы остались друзьями. Ее интересовали мои стихи, мои взгляды, мой экстремальный стиль жизни. Она могла пригласить меня к себе в гости. И я мог к ней поехать. По крайней мере, она всегда меня кормила.

Это были моменты моих пронзительных поражений, моих беззвучных слез, когда я падал ниц к ее ногам, меняя свою свободу на тепло, домашний уют и женскую заботу.

Но до вечера было еще далеко. Целый день. Серый простуженный день в начале марта. Ненавистного марта. Я вспомнил, что в марте день рождения Кати. Забавно.

Мимо пронесся спортивный автомобиль, обдав меня брызгами. Сука, блядь... Ненавижу всех этих придурков на дорогих спортивных автомобилях. Они слишком крепко уцепились за материю, забыв, что она всего лишь прах... Вот вокруг все эти старинные дома в стиле позднего барокко – когда-то они принадлежали богатым и влиятельным людям, но где они, эти люди, теперь? Канули в небытие, в сырой болотный туман этого города. А их дома давно превращены

в коммуналки, в которых живут нервные старухи и алкаши.

Сам того не заметив, я вышел на набережную Обводного канала. Недалеко находился Балтийский вокзал. Туда я и решил пойти – дождь достал. Мимо прогрохотал трамвай.

Площадь перед Балтийским вокзалом всегда заполнена какими-то людьми, в любую погоду. У ларьков с шавермой трутся работяги и студенты, сзади на них насаждают вонючие оборванцы и старики-бутылочники. На скамейках в сквере спят бомжи, а рядом с ними – их собаки. Кто-то пьет водку с горла. Кто-то декламирует стихотворения. Социальный срез, представленный здесь, позволяет убедиться в растущей с каждой минутой процентной доле сумасшедших.

Я пересек площадь и зашел в просторный зал вокзала. На электронном табло горели зеленые цифры и буквы – убывающие и прибывающие электрички, время и станция. Возле турникетов стояли менты и о чем-то разговаривали с кавказцем в кожаной куртке. У касс группировалась небольшая кучка тех, кто покупал билеты. Надо же – кто-то еще покупал билеты!

Мимо меня, громко разговаривая, почти крича, прошли несколько школьников, прикинутых под тру-эмо – черные волосы, косые челки, толстовки с черепами, розовые шнурки. Я проводил их взглядом. Две девчонки и три пацана, один сжимал тонкими бледными пальчиками двухлитровую бутылку кока-колы, которая в его руках казалось межконтинентальной ракетой с ядерной боеголовкой. Я не понимал

молодое поколение. Как, впрочем, и они – меня.

Внезапно меня посетила идея. Не идея даже, а смутная мысль, которая мелькнув робкой искрой в мозгу, тут же принялась набирать яркости, увеличиваясь в размерах подобно раковой опухоли и занимая собой все пространство моего черепа. Нужно куда-нибудь поехать.

Да, сесть на электричку и рвануть отсюда прочь, не важно – куда, лишь бы дальше от этого серого, дышащего безысходностью города.

Именно так я и сделаю. Сяду на электричку прямо сейчас и уеду. До вечера время есть. Я бы сказал, у меня вагон времени. И не один – целая электричка.

Я вышел из здания вокзала и обогнул его. Вдоль перрона шла декоративная металлическая ограда, выкрашенная в черный цвет. Ее венчали острые наконечники как у копий. Но в конце перрона, я знал, их не было. Туда-то я и пошел.

Этот лаз был известен каждому уважающему себя клиенту железной дороги, пользующемуся ее услугами каждый день. Билеты покупали только последние лохи.

Сейчас возле него толпилось человек пять – с одной и другой стороны забора, все они по очереди перелезали через ограду. Я вспомнил, что у турникетов очередей почти не бывает.

Я пристроился за невысоким смуглым старикашкой в бежевой куртке и бейсболке с логотипом фирмы Adidas. Когда

подошла моя очередь, перемахнул через забор с легкостью заправского акробата. Что ни говори, а моя диета не позволяла мне обрести жиром – одно сухое черствое мясо и сухожилия, мать их.

У перрона стояла электричка на Гатчину. Громкоговоритель объявил, что до конца посадки на нее осталось пять минут. Что ж, Гатчина так Гатчина – я был не против, тем более что побывать там как-то все не доводилось. Я прошел до середины перрона и зашел в вагон. В тамбуре курил курсант милицейского училища в серой форменной куртке. Я спросил у него сигарету.

– Нету, – коротко ответил он и отвернулся к стене.

На нет и суда нет, я дернул разъезжающиеся створки дверей и вошел в вагон. В салоне было немногочленно, в дальнем конце сидели две бабки, чуть ближе трое мужиков в оранжевых жилетках железнодорожников и с бутылками пива в руках, а на ближайшей ко мне скамейке девушка в огромных старомодных очках. Я подсел к ней. Она читала томик Генри Миллера, обернутый полупрозрачной калькой. Тропик Козерога.

В вагон зашла женщина с портативным пластиковым холодильником.

– Мороженое, покупаем мороженое, – закричала она. Мне захотелось заткнуть уши. Не надо пытаться меня, не надо издеваться над моим дрогнувшим от голода духом.

Никто не купил мороженое, женщина пошла дальше, в следующий вагон. Из тамбура появился милицейский курсант и сел на скамейку через проход от меня, в уши его были воткнуты наушники от плеера.

– Осторожно, двери закрываются, – объявил голос с металлическими нотками из динамика. Зашипели пневматические механизмы дверей. Электричка замерла, потом дернулась и начала набирать ход. За окном поплыл перрон, серые здания вокруг вокзала, какие-то теплушки, вагоны других электричек.

Девушка в очках читала. Я изучал ее лицо. Невысокий лоб с синими прожилками, тонкий еврейский носик, острый подбородок – контуры одного из потомков легендарного царя Соломона. Плюс курчавые черные пряди, закрывшие уши и спадающие на плечи. И эти огромные карикатурные очки.

Мы миновали какую-то станцию. Мелькнула платформа, серые лица людей. Я встал и пошел в тамбур. В тамбуре курил панк в косухе, на спине которой была сделана надпись из булавок «Sex Pistols». Я стрельнул у него сигарету. Панк протянул мне помятую пачку «Космоса». Я слышал, что когда-то такие курил Виктор Цой. Я достал зажигалку и прикурил.

- Через два вагона идут контролеры, – сказал мне панк.
- Спасибо за информацию, – ответил я, – но у меня билет.
- Че-то ты не похож на того, кто ездит с билетом...
- Ты прав, я пошутил. До Гатчины далеко?

– Еще остановок пять.

– А ближайшая когда?

– Минут через десять.

Я затаился. Сквозь мутные толстые стекла автоматических дверей было видно, как мимо плыли поля, редкие покосившиеся хибарки, длинные бараки брошенных ферм с пустыми окнами. Русь, нищая и обездоленная.

На одном из стекол были выцарапаны кривые буквы: Punks not dead. Когда-то в прыщавой и саморазрушительной юности я разбил такое стекло головой в приступе лютой ненависти к себе. Только за то, что там было мое отражение. Я был пьян, кровяца била фонтаном, а мне было наспать. В глазах плясали какие-то зайчики, накатывали багровые волны. Море крови и битого стекла.

В соседний вагон зашли контролеры, я их увидел через окошко в двери между вагонами.

– Они идут.

– Ага, – сказал панк и стрельнул бычком в угол тамбура. Электричка начала тормозить. Повезло.

Двери открылись, и мы с панком рванули по платформе со всех ног. Пробежали два вагона и снова заскочили в электричку. Осторожно, двери закрываются. Я прислонился к стене, переводя дыхание, двери с шипением сомкнулись. Панк протянул мне помятую сигарету.

В Гатчине было как будто светлее, чем в только что остав-

ленном мною мегаполисе. По небу плыли рваные лохмотья туч, сквозь просветы в которых иногда проглядывала синева. Дождя не было, дул теплый порывистый ветер, который гнал по перрону пустые пачки от сигарет, окурки и прочий мусор. На тротуарах проглядывал асфальт, на газонах съезжились почерневшие сугробы снега. Прямо от вокзала вела аккуратная аллея метров двести длиной, в конце которой виднелся грациозный Гатчинский замок, построенный Павлом I. Я пошел к нему.

На лужайке перед замком возвышался памятник неудачливому российскому императору. Общеизвестно, что Павел был мнителен и достаточно труслив. И погиб от руки собственного сына. Ну, или при его участии – не важно. Историческая подоплека в данный момент меня не сильно интересовала. Вокруг лужайки стояли скамейки, я сел на одну из них. Хотелось курить. И есть.

Мимо проходили какие-то люди, по всей видимости, экскурсионные группы. Большинство своим школьники. Прощаркал старик с тряпичной сумкой, в которой звенели пустые бутылки и жестяные банки из-под пива. Серые и простуженные люди месяца марта.

Попоялившись минут десять на Павла, я встал и пошел гулять дальше. Движение есть жизнь, остановка – смерть.

Посыпанная гравием дорожка вела вниз под горку – там располагался парк с прудами. В черной воде плавали крупные льдины и мокрый снег, голые ветви деревьев были похо-

жи на покрытые коростой и болячками руки нищих, просящих подаяния. Гравий размывали ручейки талой воды. Всюду были сырость и грязь. Но они воспринимались не так болезненно, как в Питере.

На мосту, перекинутом над узкой протокой, соединяющей два больших пруда, стоял парень в коротком пальто и задумчиво курил. Руки у него дрожали – это было видно невооруженным взглядом. Я спросил у него сигарету. Он посмотрел мутным взглядом сквозь меня и протянул мне свою, скуренную до половины, даже чуть больше. Потом спросил:

– Ты не местный что ли?

На меня дохнул запах как минимум трехдневного перегара. Я взял окурок и затаился.

Местный ли я? Это был риторический вопрос. Нет, я не был местным в Гатчине, но не был им и в Питере, из которого сюда прикатил; я не знал, где мое место в этом мире, возможно, каждый день я и бродил по улицам лишь потому, что пытался отыскать это самое место, кто знает.

– Нет, я погулять приехал.

– И че вас сюда тянет, блядь? – спросил парень, но не меня, а скорее весь этот парк с черными голыми деревьями, прудами, снежной кашей и талой водой. – Здесь же делать не хуй. Тоска. Только пить разве что...

– У вас тут красиво, – заметил я.

– Да на хуй она сдалась эта красота? Толку от нее... вот в Питере – там да... там деньги есть... реальные деньги...

с деньгами можно жить красиво...

Я подумал о том, что многих коренных петербуржцев их родной город просто бесит, а некоторых и вовсе доводит до нервных срывов или вообще сводит с ума, поэтому городские считают пригород едва ли не райским уголком, ящиком Пандоры, где можно спрятаться от удушающей, убийственной хватки мегаполиса. Но за пределами Питера царят совершенно противоположные умонастроения: здесь презирают пригород с его низким уровнем жизни и бытовыми неудобствами и обожают большого соседа. Так всегда с людьми – они ненавидят свою берлогу, считая ее последним дерьмом из всех возможных, будучи не в силах изменить свой быт и окружение. Это происходит повсеместно, в какой город не прикати. Хорошо там, где нас нет, мать вашу.

– Не знаю... по-моему, деньги решают не все.

– А по-моему, дурак ты, бя... – парень махнул рукой.

Я не стал спорить. Просто пошел прочь. Должно быть, он крепко обломался в жизни. Как, впрочем, и я. С той лишь разницей, что я не заморачивался по поводу того, в какой заднице пребываю – говна хватает в любой, в какой не окажись. С деньгами или без. Задница на то и задница.

Я прошел парк и оказался в жилом квартале. Узкие улочки, невысокие дома, магазины и офисы на первых этажах. Все как везде. Над крытыми шифером крышами возвышалась церковь.

Я немного побродил между домов и по дороге, огибающей парк, вернулся к вокзалу. Ветру к тому времени удалось порвать тучи, и с неба ярким прожектором лупило весеннее солнце. В воздухе пахло чем-то свежим. Воробьи на тротуаре дрались из-за хлебных крошек.

Гатчина вообще-то не многим южнее Питера, но почему-то я уверен, что весна здесь наступает намного раньше.

Здание вокзала было небольшим и аккуратным. Через подземный переход я перешел на платформу, с которой отправлялись электрички в сторону Петербурга. В переходе было сыро и мрачно. И люди на платформе казались такими же – какими-то сырыми и мрачными. Похожими на призраков, выползших из зловещего подземелья старинного замка. Наверное, потому что вынуждены были возвращаться в мегаполис.

Где-то с полчаса я ждал электричку, сидя на скамейке на платформе и тупо разглядывая носки своих ботинок. Солнце припекало спину. Не поймешь эту погоду: то дождь, то солнце. словно тот, кто отвечает за все эти процессы, сегодня выжил из ума.

Я вошел в вагон и сел в середине – так, чтобы видеть оба входа в вагон. Это был тактический ход, известный всем пассажирам электричек, предпочитающим передвигаться без билета. Скоро пойдут контролеры, и тогда придется спешно перебазираться, самая лучшая позиция в центре – ты все

сечешь и можешь быстро выскочить в тамбур.

Электричка тронулась. Я достал блокнот и ручку из внутреннего кармана куртки, я всегда таскал их там. Муза, как, впрочем, и все женщины, – создание ветреное, и, если ты не будешь достаточно расторопен и вооружен хорошим арсеналом для письма, она уйдет к другому, это я знал наверняка. Я принялся писать. Так – обрывки мыслей, небрежные мазки по холсту, кровавые сгустки эмоций, белая пузырящаяся пена рефлексии.

Минут через двадцать раздвижные двери хлопнули, и в вагон вошли контролеры. Я встал и направился к выходу в тамбур, на ходу убирая блокнот и ручку туда же, откуда их достал, во внутренний карман. В тамбуре толпилось человек семь, в воздухе висели клубы табачного дыма. Я протиснулся сквозь скопление человеческих тел и прошел в следующий вагон.

В этом тамбуре было так же многолюдно и тесно, как и в предыдущем. Я не стал задерживаться и пошел дальше. В следующем тамбуре я остановился. Дальше идти смысла нет – слишком далеко. Здесь в самый раз, осталось лишь дождаться остановки. Я планировал проверить тот же трюк с перебежкой, каким пользовался в прошлый раз.

Внезапно позади меня хлопнула дверь, ведущая в соседний вагон. Я обернулся. В тамбур зашел Леха, мой знакомый музыкант и частый собутыльник. В руках у него была гитара. Время от времени он играл в электричках. Зараба-

тывал на этом. Хотя и не считал это занятие работой. Денег на жизнь ему хватало и так. Точнее, не хватало, но о деньгах он никогда не парился. Это было скорее увлечением или даже навязчивой манией – так он к этому относился: играл, потом бросал – завязывал, как он сам это называл, – потом срывался, бросал жену с ребенком и с гитарой шел в электрички. Все, что зарабатывал, в основном пропивал или спускал на одноруком бандите в дешевых забегаловках на железнодорожных станциях. Его перло от игры, он был настоящим артистом. Он чувствовал свою аудиторию, он знал, что думают все эти люди, едущие из дома на работу и с работы домой. Он умел читать то, что написано внутри каждого человека. Может, именно поэтому иногда мне казалось, что он ненавидит людей. За то, что они скрывают от всех. За их грязные мелочные мысли, за этот нож за спиной, который они готовы всадить в брюхо первому встречному. За то, что им было плевать на всех остальных, за их похуизм. Возможно, своей игрой он бросал им вызов, не знаю.

Леха был пьян. В говно. Не знаю, как он умудрялся играть в таком состоянии и даже кому-то нравиться. Видимо, это был его особый рецепт. Он умел препарировать слушателя на свой лад. Он стебался над ними, смеялся им в лицо, а им нравилось. И он забирал их деньги.

Увидев меня, Леха расплылся в широкой пьяной улыбке: – О, бля, какие люди!

Да уж. Хоть кто-то мне рад. Искренне, я имею в виду.

– Братан, ты не представляешь, как они меня заебали, – Леха орал на весь тамбур, – и как я рад видеть тебя. Дай я тебя поцелую, – и он потянулся своими губами к моим.

Не то чтобы я был против дружеского поцелуя, я допускал возможность поцелуя мужчины с женщиной, у меня не было предрассудков на этот счет, но сейчас я отстранился.

– Леха, кончай дурить.

– Почему ты не хочешь меня целовать? – кажется, он искренне удивился. – Вон Брежнев всех целовал, по телевизору на всю страну показывали, и Кобейн... Кобейн Новоселича целовал в губы прям на концертах, бля... Ты че гомофоб?

– Леха, я не гомофоб, и ты это прекрасно знаешь. Просто не хочу. Давай лучше руки друг другу пожем.

– Руки пожать – это попса, бля. Хуе-мое, это ничего не значит.

– Вообще-то это старинный жест, показывающий, что у того, кто вступает в разговор, пустые руки, то есть он безоружен. Что его помыслы чисты. Ладно, к черту, не хочешь – не будем жать руки.

– Э, ты че обиделся что ли?

– Нет, с чего ты взял. Забей.

– А пошли со мной играть, а? – электричку слегка дернуло, Леха покачнулся, – блядь, постебемся над этими, – он кивнул в сторону раздвижной двери, сквозь которую были видны пассажиры, достающие билеты, – в вагон зашли контролеры.

– Леха, у меня билета нет. Я вообще-то от контролеров съебываюсь.

– Это хуйня, – Леха махнул рукой, – я договорюсь... с музыкантов денег не берут, бля.

Я еще раз посмотрел в вагон, контролеры медленно приближались.

– Ладно, уговорил.

– Щас мы им устроим, – усмехнулся Леха, – Лед Зеппелин, твою мать.

Он перехватил гитару. Контролеры, мужчина и женщина в форменных синих куртках, прошли вагон и вышли в наш тамбур. Леха кивнул им – кажется, они были знакомы – он играл в этих электричках уже лет пять. Женщина-контролер посмотрела на меня.

– Он со мной, – Леха мотнул головой в мою сторону.

Контролеры молча прошли в другой вагон.

– Видал, – улыбнулся он мне своей пьяной улыбкой, – а ты ссал... шутов везде любят, а музыканты – это, бля, те же шуты, я те говорю, и везде им дорога открыта. Хочешь убить короля, блядь, стань его шутом, – он покачнулся, – ладно, пошли – дадим джазу.

Мы прошли вагона четыре. Я заходил и садился на ближайшую к входу скамейку, а Леха играл, потом мы вместе шли через вагон. Кто-то тянул Лехе мятые десятки. Леха молча забирал. Иногда деньги давали мне. Я их отдавал Лехе; вместе с железной мелочью все эти деньги представля-

ли собой довольно-таки приличную сумму. Час работы какого-нибудь клерка оплачивается так же, а Леха заработал их за полчаса. Учитывая то, как он был пьян, это можно было считать успехом. Правда, по лехиным рассказам так перло отнюдь не всегда, гораздо чаще выходило по нулям.

Мы остановились в тамбуре, и Леха достал из гитарного чехла бутылку пива – жидкости в ней было примерно наполовину, и она была прикрыта пробкой, чтобы пиво не проливалось. Леха сорвал пробку и сделал глоток. Пробка покадилась по полу в сторону автоматических дверей вагона.

Потом он протянул бутылку мне. Я тоже глотнул. Пиво осторожно скользнуло по пищеводу и упало в пустой желудок. Тот недовольно заурчал. В последнее время он получал в основном только жидкую пищу. С минимумом питательных веществ и большим содержанием этанола. Наверное, ему это не нравилось.

Электричка плавно тормозила, приближаясь к очередной станции. Мимо поплыла платформа, замелькали люди. Мы с Лехой ездили уже часа два, постоянно меняя направления: сначала ехали в одну сторону, потом пересаживались на обратную электричку. В карманах у Лехи звенела мелочь. Он покупал пиво, расплачиваясь мятыми десятками. У меня в кармане тоже лежали несколько десятков и пригоршня мелочи. Я уже не помнил, когда в последний раз у меня были деньги.

Двери открылись, и Леха вдруг выскочил на платформу. Я остался стоять в тамбуре, решив, что он шутит. Мы не собирались здесь выходить. Леха покрутил головой секунд пять и вдруг куда-то быстро пошел, причем, у меня складывалось впечатление, что обо мне он забыл напрочь. Гитару он держал наперевес, словно грозное оружие, способное одним выстрелом сметать с лица земли мирные села и города. Он был не в себе, но не просто пьян, а безумен, проспиртован насквозь. Он исчез из поля моего зрения.

Осторожно, двери закрываются, – пророкотал сиплый динамик. Я рванул к выходу и еле успел выскочить, сзади с шипением сомкнулись створки автоматических дверей электрички. Издав протяжный свисток, похожий на стон, она тронулась. Я искал взглядом Леху.

В дальнем конце платформы на скамейке сидела компания – человек пять или шесть. Рядом с ними стояли пивные бутылки, целые и пустые, было видно, что эти ребята навеселе. Они громко кричали и размахивали руками. Я скользнул взглядом по ним и увидел Леху – он стоял рядом.

Внутри заскребло, по спине пробежала, шевеля всеми своими лапками, ледяная сороконожка тревоги. Я знал, чем все это кончится. Это не Питер. Хотя и в Питере попробуй-ка ночью прогуляться до круглосуточного ларька за сигаретами где-нибудь в Купчино или Рыбацком – далеко не факт, что вернешься домой целым и невредимым. Здесь же действовали исключительно биологические зако-

ны: каждый защищал свой ареал. Чужака могли запросто избить до полусмерти. Это в лучшем случае. Убийства тоже не были редкостью. Я сжал кулаки и пошел в их сторону, готовясь к самому худшему. Наши шансы были низки, я бы сказал, что они были нулевыми.

Я приблизился на расстояние, с которого можно было начинать атаку. Нужна была какая-нибудь тяжелая штукавина – кусок арматуры или что-то вроде того – тогда можно было бы рискнуть отбить Леху и попытаться уйти. Хотя здравый смысл подсказывал, что никуда тут не уйдешь – электричка отчалила и следующая будет не раньше, чем через час, а вокруг только эта глушь, в которой наши противники наверняка чувствуют себя как рыбы в воде. Ничего не подворачивалось. Я собирался драться голыми руками. То есть сознательно выбирал верную смерть. Ладно, хоть подохну не от голода, а в бою. У древних скандинавов это считалось почетной смертью: викингов, павших от руки врага, забирали в Вальхаллу девы-валькирии; после смерти им причиталось вечно пировать за праздничным столом у бога-воина Одина.

Каково же было мое удивление, когда я увидел, что Леха как ни в чем не бывало беседует с ними. Дракой тут и не пахло. Местные просили его сыграть на гитаре. Леха делал вид, что ломается и стебался над ними. Достаточно опасная игра. Правда, и Леха достаточно хитровыебанный тип, чтобы местные что-нибудь просекли.

– Братан, ну сыграй че-нить... Цоя можешь?

– Цой? А кто это?

– Ты че Цоя не знаешь? Ну ты, бля даешь...

Я подошел к ним вплотную. Местные смерили меня оценивающими взглядами. Так львы смотрят на антилопу, которую намереваются сожрать. Леха обернулся, увидел меня и заулыбался.

– О, братан, вот ты где. А я тебя потерял.

Ну ничего себе! Он меня потерял. Как будто это я метнулся из электрички, как в задницу ужаленный и побежал напрямик к компании местных хищников, терпеливо стерегущих добычу.

– Это, пацаны, мой братуха, – Леха криво улыбался мне, – прошу любить и жаловать... вот для него я спою щас... и сыграю, бля. – его качнуло.

– Давай Цоя... или че-нить такое... пацанское.

– Сейчас...

Леха провел пальцами по струнам, потом начал играть нервным боем, извлекая из гитары резкие безумные звуки. Пел он словно раненое животное. А на лице застыла издевательская гримаса. «Катись, колесо» группы Сплин. Он смеялся над ними. Он смеялся над всем этим глупым и бесполезным миром, похожим на старую тряпичную куклу.

Кто-то из местных протянул мне бутылку пива. Я взял и отхлебнул. Непроизвольно посмотрел наверх (видишь ли ты меня сейчас, бог отверженных, Бог Последнего Шанса?).

Небо было затянуто серыми тучами и лишь на западе у самой кромки, там, где оно соприкасалось с черными зубьями хвойного леса, алела раскаленная закатом полоска. На станцию медленно напоззали ранние мартовские сумерки.

– А вы че в натуре братья? – обратился ко мне быковатого вида парень с мутным от поглощенного спиртного взглядом – тот, который дал мне пиво.

– Ну да.

– Че родные?

– Да, родные, а что непохожи?

– Вообще-то не особо. Хотя хуй его знает...

Он сделал длинный глоток, который можно было сравнить разве что с затяжным прыжком с парашютом, когда ты несешься к земле на всех парах, и неизвестно приземлишься ли ты мягко или расшибешься в лепешку. Пиво в его бутылке стремительно убывало, а дно приближалось. Когда он, наконец, оторвался, взгляд его помутнел еще сильнее.

– Пиздец, – коротко изрек он. Потом протянул мне руку. В его пятерне поместились бы две моих. – Серега, – представился он. Его щеку пересекал кривой розовый шрам.

– Леха, – я сунул свою ладонь в эти тиски из плоти.

– Пиздато твой братан играет...

– Ага.

Местные оказались неплохими ребятами. Когда кончилось пиво, они сходили и купили еще. Причем Серега спросил меня:

– Тебе какое взять? – деньги были его, он угощал.

– Мне все равно. Возьми такое же как и себе.

Он принес мне две поллитровых «Балтики-семерки». Ле-ха играл. Он находился в состоянии творческого экстаза, полубезумия, когда плевать на то, что играть и кому играть. Он мог бы играть пингвинам на вершине айсберга у берегов Антарктиды.

Я сидел и беседовал с этими простыми русскими парнями, которые не захотели нас убивать (я почему-то был уверен, что убить они могут). Похоже на беседу кролика с удавом, который отказался его жрать, ссылаясь на несварение желудка. Парни работали на Балтийском вокзале – обходчиками или что-то в таком духе. Они любили свой родной поселок со скромным названием Тайцы и ненавидели чужаков – они мне сами об этом сказали. Тем приятнее было сознавать, что для нас они сделали исключение. Черт побери, Бог Последнего Шанса, я знаю: ты наблюдаешь за мной. И иногда я даже нравлюсь тебе.

Окончательно стемнело. Мы потеряли счет часам. Ле-ха все играл. Я ощущал, что нирвана где-то рядом. Возможно, мы лишь в шаге от нее. Сейчас, еще чуть-чуть – и она окутает нас облаком веселящего газа.

Внезапно темноту разорвал свет прожектора и раздался оглушающий стон электрички. Она с ревом надвинулась на платформу из темноты, заскрипела тормозами и застыла возле нее. Зашипели двери. Ле-ха неожиданно подорвался,

закинул гитару в чехол, и так же стремительно, как не так давно выпрыгнул из электрички, в электричку же и рванул. Не прощаясь. Я выпал в осадок. Его стремительности мог бы позавидовать метеорит.

Слава богу, я уже был знаком с этими его закидонами и поэтому не растерялся. Я начал спешно прощаться с новыми знакомыми, извиняясь за Леху и отмазываясь тем, что у нас еще куча дел, а на дворе ночь и вообще скоро электрички ходить перестанут, и тогда мы останемся здесь куковать до утра. Серега предлагал остаться и заночевать у него. Я отказался, еще раз извинился за Леху и кинулся к электричке, пока не закрылись двери. Серега напоследок сунул мне в руки еще две поллитровых «Балтики».

Я заскочил в тамбур, и двери у меня за спиной со свистом закрылись. У противоположной стены тамбура стоял Леха и смеялся.

– Блядь, ну ты даешь, – гневно закричал я. Он не отреагировал, просто продолжал смеяться и все. – Хоть бы предупредил, что собираешься отчаливать.

– Э, братишка, не сердись, – наконец остановился Леха, – надо ж было когда-то заканчивать этот концерт и сваливать.

– Ну не так же... пацаны, похоже, обиделись.

– И хуй с ними... попьют пивка и забудут. Им все равно с кем пить.

– Может, и все равно, но... все равно так не поступают.

– Бля, только так и поступают, – он ухмыльнулся, – и во-

обще забей – сейчас мы по электричке пройдемся, денег заработаем и напьемся до усрачки.

С трудом верилось. Я вновь почувствовал голод. И усталость.

– Валяй, – сказал я, – но я – пас.

– Как хочешь, – ответил Леха.

Я остался сидеть в вагоне, а он ушел. Я открыл пиво и неспешно тянул его, глядя в окно. За окном была только темнота, непроницаемая для глаза. Поэтому я видел лишь грязное серое стекло. Контролеров на поздних рейсах обычно не было, поэтому я мог сидеть, не дергаясь. Минут через двадцать Леха вернулся. Он прошел весь поезд и реально заработал больше, чем за все время до этого, бумажные десятки из карманов чуть не вываливались. И это притом, что он все это время пил. Ума не приложу, как у него это получалось.

Мы доехали до станции Лигово и там вышли. Я вспомнил, что собирался сегодня заехать к Кате. Она жила в Петергофе, здесь я мог как раз сесть на нужную мне электричку. Решил отчаливать, но Леха задержал меня.

– Пойдем пивка еще рванем и потом разбежимся, – предложил он.

Я все еще злился на него за случившееся, но все же согласился. Ладно, черт с ним, он действительно так жил, он стебался над всем, чем только мог, он не кривил душой. Ему действительно было плевать на тех чуваков, как и на всех

остальных. Возможно, и я это допускал, ему было плевать и на меня. Такой уж он был чувак.

– Я тебя, блядь, не пойму, братан, – говорил мне Леха – мы сидели с ним в небольшой пивнушке на станции и пили пиво, иногда он подходил к однорукому бандиту и спускал несколько бумажек, я равнодушно смотрел на это: азартные игры меня никогда не привлекали, – когда ты пьяный, тебя хуй заткнешь, а когда трезвый – слова, блядь, не вытянешь...

– Извини, какой уж есть. – Странно, учитывая количество выпитого за последние несколько часов, я был на удивление трезв. Вообще я заметил, что бывают в жизни такие моменты, когда алкоголь не берет тебя вообще. Что-то вроде закона обратного действия: чем больше усилий предпринимаешь, тем меньше конечный результат. – Мне нравятся крайности... они позволяют чувствовать жизнь как-то физически что ли...

– А мне вообще по барабану все это. Нужно жить так, как тебе нравится. И вести себя так, как тебя прет. Нужно получать кайф... от всего. И плевать, что они все об этом думают, – он обвел взглядом небольшой мрачный зал пивнушки, кроме нас тут было только трое алкашей – два мужика и одна баба, которые глушили в углу портвейн.

Это говорил человек, у которого были жена и дочь, комната в общеаге, еще сын от первого брака и бывшая жена (когда он все это успел в свои двадцать шесть?), алименты, ги-

тара, алкоголь в убогих забегаловках на железнодорожных станциях, случайные связи на стороне и немного здорового чувства юмора. Немного мрачноватого, но... многие и этим не могли похвастаться. Я никогда не мог врубиться в Леху до конца. Зато он сходу врубался во всех и каждого.

Мы допили пиво и вышли на улицу. Леха достал из кармана ворох мятых десяток и, не считая, протянул мне.

– На, держи.

Я отстранился.

– Леха, это ж твои бабки... ты их заработал. Я не могу их взять. И потом – у тебя жена, ребенок.

– Говорю, бля, бери, – Леха запихивал деньги мне в ладонь, – один хер в автоматы все спущу. Забирай – это твоя доля. Мы ж сегодня типа дуэтом работали, – он ухмыльнулся.

Я сдался, взял деньги и сунул их в карман. Леху нереально переспорить, тем более, когда он пьяный. Да и деньги мне бы не помешали. По крайней мере, хоть пожру чего-нибудь.

– Ладно, бывай, – Леха протянул мне руку. Я пожал ее. Леха посмотрел мне в глаза, при этом лицо его приняло выражение, напоминающее ацтекскую ритуальную маску, потом внезапно засмеялся. Своим фирменным безумным смехом. Это он умел. – И помни: ни одна война не проиграна, пока в строю есть еще хоть один солдат. Тем более двое...

– Ага, – сказал я и пошел в сторону платформы. Лехе тоже надо было на электричку, но только в обратную сторону –

похоже, он сегодня планировал продолжать бухать и дальше. Я не собирался ему мешать. Он – взрослый человек и... это его война.

Я дошел до платформы и посмотрел туда, куда шел Леха. На переходе через пути он обернулся и, отыскав взглядом меня, поднял одну руку вверх. Его сжатый кулак резко выделялся на фоне ночного неба.

Он прав – наша война не проиграна. К черту деньги и лживые обещания коварных оболъстителей. Мы не сдаемся.

Минут через десять подъехала электричка. Я сел в нее и сразу уснул, проспав до самого Петергофа.

Чуть не проспал свою станцию, еле успев выскочить в закрывающиеся двери. Электричка была последней, я знал, что и обратной уже тоже не будет.

Холодный воздух взбодрил, я спустился с платформы и быстрым шагом пошел по асфальтовой дорожке в сторону глядящих на меня желтыми глазами окон домов. Фонари разливали тусклый свет. Начинался дождь.

По пути к катиному дому я зашел в круглосуточный магазин. На деньги, которые дал мне Леха, я купил пачку сигарет и вафельный торт. Продавщица посмотрела на меня взглядом вампира. Я по-быстрому свалил оттуда. Наверное, я неважно выглядел.

Катя открыла дверь не сразу, и по ее сонному лицу я понял, что разбудил ее. Как всегда я не вовремя.

– Леха, – сказала она, – ты где был?

– Ехал к тебе.

– Что-то ты долго ехал. Мы же договаривались, что ты приедешь вечером...

– Тот, кто скажет, что сейчас утро, пусть первым бросит в меня камень, – попытался пошутить я.

– Сейчас ночь и... я сплю.

– Мне уйти?

– Да нет. Раз уж приехал, заходи, – внезапно она повела ноздрями, словно почуяла неладное (вот поэтому я и не смог бы долго быть с нею рядом, эти игры в сыщиков меня раздражали) – ты что пил?

– Немного.

– Леха, опять ты... что случилось-то?

– Ничего, – ответил я, – просто... сегодня был долгий день, полный безумия, дождя и солнца.

В мире полно умных, красивых людей, но по какому-то странному стечению обстоятельств именно тебя всегда окружают тупые уроды.

Бликие контакты неизвестной степени

«Я странен; а не странен кто ж»?
Александр Грибоедов

Все, что мне нравится в этой жизни: секс, наркотики, алкоголь – так или иначе порочно. Должно быть, я – порочный человек. Такое вот замечание по жизни.

НО!!!! Если вам не нравятся мои привычки, значит, вам не нравлюсь я. Так какого черта вы все еще здесь?

Ага, вот именно. Все подваливают и подваливают. Словно тут медом намазано.

И еще жутко болит голова (боже, как это знакомо!). И недосып этот вечный. Чертов недосып. Едут и едут. В нашу искривленную реальность – это мазохизм какой-то. Но подробнее.

Мое знакомство с иностранцами началось давно, еще в детстве. Странное такое знакомство. Уж не знаю, кому оно и на пользу-то пошло – мне или им.

Помнится, в начале девяностых мы стояли в очереди на границе с Эстонией, тогда прибалты только обретали, казалось, утраченную навеки независимость, ну и закрывались, конечно, от кровожадного соседа. Вот и образовыва-

лись километровые очереди между Нарвой и Ивангородом, хотя формально режим был еще безвизовым.

И вот, значит, стоим в очереди с моим младшим братцем, мама документы оформляет или чего там еще, уж не помню. Подходит к нам негр здоровенный, улыбается во все тридцать два ослепительных зуба, что-то говорит по своему – ясное дело мы с братцем ни хрена не понимаем – а потом протягивает нам по жвачке, в яркой обертке.

– Бабл гам, – говорит.

Ну, мы взяли, конечно, – чего от халявы-то отказываться. А негр дальше пошел. Других детей, наверное, радовать.

Вот с тех пор периодически сталкиваюсь с представителями иноземных держав, и каждое столкновение анекдотичней другого.

Завалились как-то с Доктором в «Молоко», что на Перекупном. Играли «Последние Танки в Париже», нормальные такие ребята, забойные и со смыслом главное. Не обошлось без алкогольных излишеств, но, как говорится, лишь излишества помогают нам познать истинную суть вещей.

Я разок запрыгнул на сцену, отнял у Никонова – вокалиста «Танков» – микрофон и проорал в него что-то, что уж не помню сам. После небольших разногласий с охраной клуба я решил засесть в баре и тихо обижаться на всех и вся, заодно заправляясь местным пивом. Подошел Доктор.

– Чего сидишь?

– Да ну их к черту. Надоело!

– Ну ясно. А я, наверное, пойду – еще послушаю.

– Пойдем лучше с бабами познакомимся.

Доктор почесался.

– Да чего-то не хочется.

– Ну как знаешь. А я вот пиво допью и пойду.

Доктор исчез в направлении сцены, а я приложился к кружке. Не знаю, каждый раз, когда я приходил на какой-нибудь концерт, где-то в середине выступления во мне что-то переворачивалось, обрывалось внезапно – и концерт становился противен. Обычно тогда я пропадал в районе бара. И так случалось всегда.

Я отставил опустошенную кружку. Пора на охоту.

Протиснулся сквозь толпу, активно работая локтями. Ну вас всех в задницу.

Заприметил одиноко танцующую красавицу. Не то чтобы у нее получалось очень уж в такт, но по сравнению с остальными – неплохо. Да и внешность что надо. Подошел.

– Привет, – я постарался перекричать надрывающиеся динамики колонок, – можно с тобой познакомиться?

Она посмотрела на меня. Черт, а я не ошибся – девчонка что надо! Потом она качнулась, повинувшись ритму, задаваемому музыкой со сцены, и прижалась ко мне. Я ощутил прикосновение ее аппетитного тела. Лицо ее приблизилось к моему, и влажные губы впились в мои, языки при этом сплелись в морской узел и завязали древний языческий та-

нец, стараясь выжать друг из друга все соки. Неожиданный оборот событий.

Через минуту (для меня это была почти вечность) она прекратила терзать мои губы. Снова посмотрела на меня. И улыбнулась.

– Меня Галей зовут. – Ее руки опустились мне на плечи.

– А меня Гай Юлий Цезарь.

– Интересное имя, – и она снова присосалась к моим губам. Я почувствовал невольные вибрации в паху.

Жизнь непредсказуема. Галя оторвалась от меня, взяла за руку и потащила к сцене. Я подался за ней, ведомый призраками воспаленных алкоголем чувств.

Мы прыгали под музыку и целовались. Потом пошли в бар и выпили пива. Самое забавное – мы почти не говорили. Она просто присасывалась ко мне и, наверное, пыталась высосать душу, но на ее месте Галю ждали только алкогольные пары. Я прикончил две кружки.

Внезапно, ничего не говоря, она сорвалась с места и двинулась в направлении гардероба. Я за ней. Стремительная девушка. Кое-как догнал, распахив толпу.

– Ты куда? – спросил я ее.

– Ну, мне пора. Я в Сестрорецке живу, надо еще на электричку успеть.

Жизнь непредсказуема. Откуда-то из темноты вынырнула ее подружка и обняла Галю за плечи: «Идем?» Галя кивнула.

Мы подошли к гардеробной стойке.

– Номер телефона-то хоть оставишь? – спросил я.

Галя поковырялась в сумочке, достала ручку и блокнот. Начиркала в нем цифры, вырвала лист и протянула мне.

– Вот держи.

– Я как-нибудь позвоню.

– Звони. – Она приняла из рук гардеробщика пальто, накинула его на плечи. О чем-то задумалась. Потом чмокнула меня в щеку, взяла подругу за руку, и они пошли прочь.

Забегая вперед, скажу, что Гале я не позвонил. Женцина у меня уже была. Проводив их взглядом, двинулся назад в бар. Взял пива. Появился Доктор.

– С кем это ты в зале зажигал? – спросил он.

– Это девушка по имени Галя. Она из Сестрорецка. Это все, что я о ней знаю. Правда, у меня еще есть ее номер телефона.

– Понятно, – протянул Доктор, взял мою кружку с пивом и отпил из нее.

Через полчаса концерт закончился. Мы с Доктором допили пиво, забрали куртки из гардероба и отвалили. На улице толпился народ. Я достал сигарету.

– Тебя нельзя оставить одного ни на секунду, – сказал Доктор, тоже прикуривая, – то ты с охраной устраиваешь конфликт, то знакомишься с классной телкой, с которой уже через минуту лижешься, словно вы знакомы целую вечность.

– Я тебя звал. Ты не пошел.

Из клуба выходили музыканты. Какие-то парни горланили песню «Гексаген», которую играли сегодня вечером. На ступеньках, ведущих в цоколь, где находился клуб, сидела девушка и блевала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.